

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ
ИСТИНЫ,
ИЛИ
НАШ ОТВЕТ ДАНИЛИНУ

Вопросы о русском национализме (числом семнадцать), которые Павел Данилин задал Константину Крылову (http://community.livejournal.com/ru_politics/17668886.html), отменно сдетонировали в русском движении, вызвав обильные рефлексy. В результате образовался идейный массив, в котором любопытно разобраться, поскольку общественное значение темы русского национализма непрерывно растёт.

Для начала традиционное: кто, зачем, почему и кому задал вопросы.

Итак, вопрошающий. Павел Викторович Данилин, 31 год, имеет, по его словам, три высших образования: историка, политолога и литературоведа. Питомец Глеба Павловского (бывший сотрудник пресловутого Фонда эффективной политики), шеф-редактор портала “Кремль.Орг” и член политсовета “Молодой гвардии “Единой России”, колумнист газеты “Взгляд”, автор книги “Я. Путь. Как стать властью”, соавтор книги “Враги Путина” и скандального учебного пособия “Новейшая история России. 1945–2006”. Явно неглуп (дураков Павловский не держит), но много сил и времени тратит на ЖЖ, где именует сам себя характерным словом “спецпропагандон”. Основное амплу спецпропагандона критик-злопыхатель определил бы как обслуживание очередного президента, а также бессменного Владислава Суркова. Видимо, работа даёт не только витамины, но и престиж, как он его понимает, поэтому о Данилине некоторые поговаривают так: непреклонен в сервильных суждениях, нагловат с аудиторией и высокомерен с коллегами по журналистскому цеху, которых числит-де по разряду лузеров-недотёп, в отличие от достижительного себя.

Свой запрос Крылову Данилин подписал напоказ: “русский националист”. При этом, по свидетельству другого общественного деятеля, также именующего себя русским националистом, Андрея Савельева (бывшего депутата ГД от “Родины”), Данилин в своё время подверг в интернете систематической травле и клевете партию “Великая Россия”, собравшую под своё крыло ряд патриотических организаций и отдельных националистов, в том числе того же Константина Крылова. Роскошную и обширную подборку цитат из Данилина

опубликовал в своём ответе Борцов, после прочтения которой можно вместе с автором воскликнуть: “Ежели П. Данилин и националист, то какой угодно, только не русский!” (<http://warrax.net/90/17w.html>). В свете этих фактов некоторые его недоумения трудно воспринимать как искренние и чистосердечные.

Зачем и почему кремлёвский журналист задал свои вопросы?

Данилин человек амбициозный, стремящийся быть на гребне любой волны; он верно чувствует идейный мейнстрим и горько переживает по поводу своей фактической отлучённости от него. Поэтому главный вопрос, не заданный, конечно же, напрямую, состоит в том, почему националисты не пускают в свою “песочницу” кремлёвских втируш (и его лично). Он не понимает, что сегодня, когда курс Кремля и русского народа зримо разошёлся по разным полюсам, стоять одновременно лицом к Кремлю и к народу невозможно: двуличие гарантировано. Играть эту двусмысленную роль, на которую вообще-то немало претендентов, подлинному националисту неохота, неприлично. А вот Данилину и многим прочим — очень даже охота, да нет возможности, ибо не пускаем мы этих лицедеёв в нашу “песочницу” — и всё тут!

Дело здесь не только в злобе дня, но ещё и в столетнем историческом опыте. Этот опыт учит, что русские националисты могут иметь политический успех исключительно как оппозиционная, но ни в коем случае не как прокремлёвская сила. Иначе власти им не видать, как своих ушей без зеркала. Ибо кремлёвцы вовсе не собираются меняться с ними местами, а будут использовать на подхвате. Ну, а если история поставит на повестку дня смену власти, то в решающий момент прокремлёвских националистов ожидает не успех, а полный крах. Такой же крах, какой постиг в 1917 году весьма могущественный Союз русского народа, Всероссийский народный союз и другие православно-монархические организации, а в 1991 году — так называемую Русскую партию внутри КПСС, влиятельную и многочисленную. Ведь в смутные дни, чтобы взять власть, требовалось кричать “Долой самодержавие!” или, соответственно, “Долой КПСС!”, а ни те, ни другие на это были просто органически не способны. Поскольку не мыслили себе жизни без православной монархии в первом и без советской власти во втором случае. Они были плоть от плоти распадающейся и утекающей власти, от неё питались и на неё уповали, и в этом был залог их падения и гибели вместе с властью. Мы хорошо выучили этот урок; но не данилины.

И ещё одной вещи не понимает неглупый с виду публицист: почему это вдруг не срабатывает в наших условиях вековая и, казалось бы, проверенная формула “Самодержавие—православие—народность”. Разумеется, в современной интерпретации: “Президент—РПЦ—электорат”. Почему эта официозная формула перестала консолидировать русских (сектор подлинных православных монархистов в нашем движении существует, но не пользуется большим влиянием). Почему карманные кремлёвские журналисты (не буду оглашать весь список) не смеют, опасаясь осмеяния и остракизма, придти в нашу национальную среду, держа в руках транспарант с этим слоганом. Почему этот код не открывает сейфов нашего доверия, почему не срабатывает патентованная вроде бы отмычка. Данилиным важно понять ответ на этот вопрос, потому что отказаться от названного слогана для них означает опасно рисковать тёплым местом. И без о-о-очень серьёзных оснований они этого не сделают. Вот и просят нас разъяснить что к чему, подбросить весомых аргументов...

Не исключаю также, что Данилину попросту было поручено провести зондаж: насколько совместим современный русский национализм с коридором политических возможностей Кремля. Потому что для Кремля жизненно важно на данном этапе решить для себя, способен ли он в принципе вписаться в русскую националистическую парадигму. Возможно, конечно, я преувеличиваю аналитические способности кремлёвских кукловодов и лично самого серого из кардиналов, под которым ходят данилины. Но я не удивлюсь, если в скором времени Данилин, сообразовавшись с нашими ответами, слепит, сам или в соавторстве с тем же Сурковым, и запустит в широкую публику выверенную русскую националистическую доктрину с лейблом “Made in Kremlin”, где все узкие места будут, благодаря нам, грамотно расшиты. После чего Кремль в очередной раз торжественно объявит себя хозяином дискурса и попытается оседлать русское движение (с прежним же “успехом”, само собой).

Вполне понятно, почему Данилин обратился за ответами именно к Константину Крылову: ведь от Крылова, известного сугубой деликатностью, интелли-

гентностью, обстоятельностью и политкорректностью, он не ждал ответов, способных ранить душу номенклатурного кремлёвца и сжечь старательно навешенные оным мосты. Обратись он, что было бы логично, за нужными разъяснениями ко мне (единственному, кто на протяжении пятнадцати лет умудрялся проповедовать и толковать махровый русский национализм с самых высоких трибун СМИ — “Независимая” и “Литературная” газеты, журналы “Политический класс” и “Наш современник”), он ведь мог нарваться на неожиданность.

Впрочем, мудрая, но тщетная предосторожность Данилину не помогла. Ответы он получил не только от того, кого спрашивал; и с этим уже ничего не поделаешь, ведь интернет неподцензурен. Сам виноват: затронув важные для нашего движения темы, он вызвал желание высказаться у националистов разных мастей и разной степени информированности и известности. От матёрых бойцов идейного фронта, вроде меня или Борцова, до прилежных неопитов, до недавнего времени в националистических дискуссиях не блиставших (Диунов, Петров). И даже до вовсе никому не известных рядовых бойцов интернета, чья роль тут — “голос из хора”, как в древнегреческой пьесе. Так что общая картина получилась вполне нелицеприятная, нравится это самопровозглашённому националисту Данилину или нет.

Анализ этой картинки имеет смысл вести послойно: вначале точка зрения “корифеев” русского национализма (Крылов, Борцов, Севастьянов), затем — позиция продвинутых дилетантов (Диунов, Петров), а под конец — среднестатистический фон.

Приступая к собственным ответам на данилинские вопросы, я предложил, что в итоге сравнительного анализа вариантов “результатом будет одно из двух: либо русская националистическая доктрина значительно укрепитя, приобретет монолитность; либо в ней откроются важные водоразделы, достойные новых дискуссий”. Я не ошибся: произошло и то, и другое. По ряду позиций у респондентов возник прочный консенсус, по ряду других — столь же чёткое расхождение во взглядах, преодолимое в одних случаях и антагонистическое в других. Стоит подробнее остановиться на этом.

* * *

О том, что вопросы Данилина актуальны, говорит не только массивный и многообразный ответ на этот вызов, но и разноречивость в подходах. Так, Крылов усмотрел свою задачу в том, чтобы разбить “распространённые предубеждения” и развеять “влиятельные заблуждения”, противопоставив им своё личное, честное, но порой глубоко субъективное понимание сути вещей. И большинство других респондентов также, не претендуя на объективность, старались спроста высказать своё, наиболее правдивое.

Что до меня, то я ставил себе задачу познакомить читателей с идеями, которые давно стали общими местами в ходе многолетних дискуссий — с тем “сухим остатком”, при добыче которого было уже сломано не одно полемическое копье. (Естественно, сам я, непререкаемый участник всех этих дискуссий, выражаю консолидированную позицию лишь этнических националистов; обозначая её, мне по ходу дела приходится иногда говорить о себе в третьем лице.)

Объективистский подход свойствен также Борцову, давно и самостоятельно исследовавшему историю ряда заданных вопросов. Мы оба с ним считаем, что в русском националистическом дискурсе сегодня не существуют, вопреки Данилину, “темы, фактически табуированные для русских националистов. Больные места. Точки, куда могут бить и бьют, а также те вопросы, отвечать на которые неудобно”. Таких тем уже давно нет, и все ответы тоже давно найдены, и стесняться их не приходится. Другое дело, что в русском национализме есть разные течения, и ответы могут у них не совпадать.

Рассмотрим же сначала область бесспорного, затем просто спорного и наконец — непримиримо спорного.

О НЕПРЕЛОЖНОМ

Начну с вопроса, ответ на который поразил даже меня, издавшего разные виды в русском движении, своим единодушием.

Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?

Все респонденты ответили единогласно, отбросив все сомнения и колебания, все междоусобные различия и посторонние соображения: **Русское национальное государство.**

На этом отрадном замечательном факте можно было бы и остановить весь разговор. Ибо один этот факт стоит целой статьи о русском движении.

Даёшь Русское национальное государство!

Вот, он, крик русской души! Вот он, лозунг момента!

Всё остальное, как говорится, рюшечки и бантики.

Но несколько слов добавить для полноты анализа необходимо. Вопрос слишком серьёзен, чтобы судить о нём, не зная истории самого вопроса. А он заявил о себе не вчера.

В своё время в СССР историком В. В. Мавродиным был даже написан вузовский учебник “Образование русского национального государства” (М., ОГИЗ, 1939). Об этом сегодня уже мало кто знает, к сожалению. С тех пор всерьёз на тему Русского национального государства у нас никто не писал, детально эту концепцию не разрабатывал, кроме меня (“Русское национальное государство: “рай для своих” или “лавка смешных ужасов?” [ж-л “Политический класс” № 4, 2008 г.], “Россия для русских!” [М., Книжный мир, 2007] и мн. др.).

Ничего подобного, никаких аналогичных разработок сколько-нибудь серьёзного уровня, с привлечением лучших специалистов, не было сделано у нас больше никем и никогда, хотя скороспелых рассуждений на тему хватает.

Беда в том, что господа русские националисты, особенно теоретики, друг друга, увы, не читают, предпочитают каждый раз собственноручно писать историю кровью своего сердца с чистого листа. Ибо даже те из них, что в движении без году неделя, “образованность свою показать хотят”. И пожинают при этом все заслуженные плоды (в основном, шишки), собирая один за другим свежеизобретённые велосипеды.

По понятной причине мне не с руки подвергать разбору этот весьма нестройный хор ни в целом, ни по партитурам. Чтобы не разбить ненароком то отрадное единство и согласие, которое манифестировано выше.

Но одно важное замечание я обязан сделать.

Понятно, что в общую, объединяющую всех нас формулу “Русское национальное государство” (РНГ) каждый волен вкладывать собственное содержание. У каждого в голове может жить своё мечтаемое РНГ, отдельными деталями которого можно с блеском делиться в дискуссиях. Но есть два принципиальных различия, которые легко вычитываются даже в тех призрачных набросках, что привели некоторые наши респонденты. Ими нельзя пренебречь.

Одну позицию чётко обозначил Крылов, заявивший: “Русские националисты – чуть ли не единственные люди в России, последовательно отстаивающие классические демократические ценности. Не либеральные (которые сейчас заключаются в утверждении прав всевозможных меньшинств), а именно классические демократические, то есть права большинства. В России большинство населения страны – это русские (по крайней мере, пока). Демократические и национальные требования, таким образом, совпадают по факту. Но они совпадают и по смыслу. Организованная нация имеет право и даже обязана самоуправляться”.

Другую позицию так же чётко и даже агрессивно обозначил Борцов: “Русское Национал-Социалистическое Государство, чуть позже – Русскую НС-империю. А вы что думали?”.

Примем за постулат, что национальное государство и империя есть вещи разные. В этой связи я, с некоторой долей условности, буду называть первую позицию “национал-демократической”, устремлённой на создание национального государства, а вторую – “национал-социалистической”, устремлённой на создание империи. Обе эти позиции имели и имеют многочисленных адептов, в том числе и среди респондентов. В частности, Севастьянов ещё в середине 1990-х озадачил публику книгами “Национал-капитализм” (1995) и “Национал-демократия” (1996), заложив, вместе с некоторыми другими авторами, сошедшими ныне с политической сцены, национал-демократическую традицию в современном русском движении. Сегодня именно эта традиция активно пополняется наиболее продвинутыми интеллектуальными ресурсами (Крылов и

Диунов тому пример) и претендует на полноценную политическую перспективу. Что же до НС-империи, то на почве этой идеи происходит смычка национал-социалистов с консерваторами. В нашем случае примером служит Петров, придерживающийся максималистской точки зрения: “Россия должна стать Империей Русь, т. е. великой северно-арийской страной, главной частью Европы и Белого мира в целом. Европа оканчивается не на Урале, а на Тихом океане”.

Подробнее об этих концепциях я буду говорить ниже, анализируя спорные проблемы, “водоразделы”.

Сегодня не стоит гадать, какая концепция победит и возобладает в русском государственном строительстве. Тем более что, как это уже не раз бывало в истории, победить может одна, а возобладать в итоге – совсем другая. В самом общем смысле предскажу, что выиграть доведётся тем, чьи теории ближе к жизни, к исторической и даже биологической правде.

А пока ещё раз радостно констатируем: идея Русского национального государства объединяет русских националистов всех тонов и расцветок без исключения.

Таков наш главный ответ на кремлядский запрос.

* * *

Далее следует группа вопросов, направленных на выяснение отношений с различными периферийными фрагментами в русском движении: антиправославными элементами, неонацистами, неовласовцами, расистами и т. д. Провокационный смысл вопросов состоит в том, чтобы заставить националистов либо публично признаться в своей “маргинальности”, либо столь же публично отмежеваться от товарищей, в том числе порой весьма многочисленных и влиятельных, ломая таким образом строй и внося раздор в русское движение, стремящееся к сотрудничеству и единству. Однако вбить клин между нами Данилину не удалось. В целом респонденты вполне грамотно преодолели этот провокатив, заодно разъяснив несколько важных азбучных истин современной политологии.

* * *

Почему в среде русских националистов своими считают в том числе и тех, кто активно и агрессивно выступает против русской православной церкви?

Если вопрошавший надеялся кого-то смутить этим вопросом или посеять раздор в лагере националистов, это ему не удалось. Ответы были вполне единодушны в том смысле, что значение конфессионального фактора в русском движении не стоит преувеличивать, свет клином на нём явно не сошёлся. Причём, как ни странно, наиболее репрезентативными в данном случае можно считать кратчайшие тексты, на которые сподобились наши “голоса из хора”, а не более распространенные (и более ангажированные) объяснения “корифеев”. А именно:

f_dragon869: “Националистическое движение неоднородно. И далеко не во всех течениях национализма считают своими тех, кто выступает против православия. Скажем, национал-либералов православные националисты за своих не считают”;

Бурцев: “В среде русских националистов своими считают многих людей. Кто-то выступает за, кто-то против РПЦ”;

psehetuk: “Для РПЦ “несть ни иудея, ни эллина”, поэтому в отношениях между националистами и православными неизбежно будут сложности (хотя это и пересекающиеся подмножества)”;

mr_lynx: “Причин несколько. Одна из них состоит в антихристианской пропаганде, направленной на разделение русского народа и отрыве его от исторических корней. Другая причина неприязни к РПЦ заключается в том, что, к сожалению, на мой взгляд, сейчас церковь не в полной мере ощущает свою значимость и долг перед народом”;

yuritikhonravov: “Русский национализм плюралистичен”.

Суммируем: монополией на русское движение не обладает никакое идейное или религиозное течение, поскольку в данном случае платформа объединения заведомо шире той или иной светской или религиозной идеи. И правом распоряжаться доступом в русское движение не обладает ни одна инстанция в мире, ни одна русская организация по отдельности. Если же РПЦ желатель-но усилить свои позиции в движении, она должна сама об этом позаботиться, заслужить соответствующее отношение. (В своё время я, например, сформулировал для себя условие: вернусь душой в РПЦ, когда каждый наш священник начнет по долгу службы и по зову сердца относиться к каждому русскому человеку так, как любой раввин относится к любому еврею.)

Пространные ответы “корифеев” так или иначе варьируют сказанное выше, каждый, естественно, со своими акцентами. Но в целом отношение к религии (религиям) никто из них не трактует в качестве камня преткновения или яблока раздора. И это очень важно!

Константин Крылов: “Русский национализм не является фунда-менталистским религиозным учением. Это светская, мирская политическая теория и практика. Русским националистом может быть человек, исповедующий лю-бую религию или не исповедующий никакой... В рядах русского движения можно встретить людей с самыми разными религиозными воззрениями, от православных христиан до славянских язычников и атеистов”.

Севастьянов: “Националист не ставит знак равенства и даже тождества между словами “русский” и “православный”. Не все русские православны, не все православные русские. Религии приходят и уходят, а этнос остаётся, ибо кровь изначально и онтологически выше религии. Этнос, нация – это все вместе, богатые и бедные, умные и глупые, коммунисты и антикоммунисты, христиане и язычники, связанные племенным единством. Поэтому в русском националистическом движении есть и атеисты (и немало, особенно среди ле-вых и мужчин среднего и старшего возраста), и христиане, и даже этнически русские мусульмане, но наиболее активны русские язычники (родноверы, ве-дисты и т. д.)”.

Михаил Диунов: “При всех различиях внутри русского национализма, как я полагаю, уже по самому факту того, что это национализм русский, основополагающим фактором идентификации является национальный фактор. Поэтому конфессиональный фактор выступает как важное, но дополнение”.

Михаил Петров: “На данный момент можно выделить примерно четыре основных вероисповедных направления в среде русских националистов: Ка-ноническое Православие (РПЦ МП & РПЦЗ); “Альтернативное Православие” (РПАЦ, всякие ИПЦ, неединоверческое старообрядчество и т. д.); Роднове-рие во всех его разновидностях, до самых экзотических, включая и откровен-ные новоделы; Атеизм... Проблема негативного отношения к РПЦ – решаемая. И националисты её понемногу, но последовательно решают”.

Нотка критики прозвучала разве что у Борцова, но только в виде весьма мягкого упрека по адресу дьякона Кураева, публично признавшего сохране-ние православия приоритетной задачей по сравнению с сохранением русской нации. Некоторые, довольно сдержанные, упреки по адресу РПЦ отмечаются и у Севастьянова, но, повторю, никем из респондентов не было высказано ничего такого, что могло бы вызвать вспышку нетерпимости, раскол и т. п. Пожалуй, стоит отдельно обратить внимание на мысль об известном засилии в современном российском клире, да и среди прихожан – крещёных евреев как факторе, отводящем националистов от церкви. Но с этим вряд ли кто ста-нет спорить. “Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот друг, кто правду скажет”.

Итак, да здравствует веротерпимость и мир среди своих!

* * *

Как намерены русские националисты взаимодействовать со сторон-никами генерала Власова?

Сознательное и принципиальное миролюбие было продемонстрировано даже по этому, вообще-то довольно конфликтному, поводу.

Самый интересный текст выдал Крылов, который написал краткий и очень содержательный очерк действующих в России организаций и групп, симпати-зирующих власовской РОА “и другим силам, сражавшимся на немецкой сто-

роне”. Завершается это эссе интересными и глубокими размышлениями “о возможных причинах симпатий к фигуре генерала-коллаборациониста”.

Однако от ответа по существу Крылов при этом мастерски уклонился, заметив лишь, что “русские националисты не считают своё движение преемственным власовскому — в том смысле, в котором, например, украинские националисты официально считают своими предшественниками бандеровскую ОУН и прочие организации, действовавшие на территории Украины в сороковые-пятидесятые годы. Не существует сколько-нибудь известных русских организаций, которые хотя бы претендовали на преемничество с РОА, РОНА и т. п., и уж тем более имели бы такое преемничество на самом деле”.

Но ведь речь-то шла не о преемничестве, а о возможности взаимодействия, то есть о нравственной и политической оценке власовцев. Именно её-то Крылов и не дал, хотя по косвенным признакам можно понять, что лично он власовцев не слишком любит и уважает. Надо полагать, если дойдёт до конфликта, Крылов и связанные с ним структуры встанут рядом не с поклонниками Власова, а с его противниками. Ведь он справедливо указал, что “плачи по Гитлеру” всё же не вполне безобидны, так как задевают чувства множества русских людей, чьи предки воевали с немецкими оккупантами”.

Если Крылов дал блестящий фактографический очерк, то Борцов развернул столь же блестящую оценочную аргументацию на тему: “Пропагандирующие сейчас “за героев РОА против жидобольшевиков” действуют именно против русских”. Отметив для начала, что “есть оголтелые поствласовцы, которым всё равно, кто и почему, главное — против “совка”. Но такие русскими националистами не являются”, он в дальнейшем ссылается на свою статью, посвящённую специально отношению к власовцам, из которой следует, что муссирование данной темы есть изощрённый трюк патентованных русофобов, стремящихся привить русским комплекс неполноценности, подвести их к выводу: “Русский — это свинья, сын свиньи и внук свиньи”. Для того, “чтобы любой, кто захочет себя идентифицировать как русского, сам ужасался таких мыслей и бегом бежал записываться в космополиты и интернационалисты”. Вывод Борцова бескомпромиссен и нравственно точен: “Победа в Великой Отечественной Войне — это единственное историческое событие, которое объединяет русских в массе. И поэтому агитки вида “не за то сражались” играют явно против объединения русских. Воевали “белые братья” или нет, “по наущению жидов” или нет — это даже не вторично, а где-то вообще за горизонтом, для историков. Для народа всё четко и понятно: воевали наши предки. И они разгромили тех, кто покушался на русские земли и пытался поработить русский народ”.

Вместе с тем Борцов, во-первых, как и Крылов, уклонился от прямого ответа о возможности сотрудничать с власовцами, а во-вторых, он почему-то считает, что “вопрос, “как относиться к РОА, к белой гвардии и т. д.” — должен обсуждаться с официальной точки зрения тогда, когда русское национальное государство прочно встанет на ноги, но никак не ранее. До тех пор — только частные мнения”.

Я лично (**Севастьянов**) в своём ответе именно “публично и категорически” осудил власовцев, не стесняясь в выражениях, причём сделал это и как историк, убеждённый в недопустимости прибегать в гражданских войнах к помощи интервентов, а тем более идти к ним на службу, и как сын человека, рубившего солдат РОА саперной лопаткой в смертельном и беспощадном рукопашном бою.

Кроме меня ответ по существу из “корофеев” дал только Петров. Поскольку Диунов ограничился нравственной оценкой Власова (“человек, лишённый чести”) и прагматическим замечанием: “Зачем русским националистам создавать себе имидж игроков на проигравшей стороне?”. Но это ответ не на тот вопрос.

Петров же довольно обстоятельно разделил сторонников генерала Власова на два вида. “Первый — это исторические власовцы и их потомки, в большинстве случаев живущие за океаном. Второй — это власовское течение среди тех, кто называет себя русскими националистами и живёт в России. К первому виду, с русской консервативной точки зрения, надо относиться нормально. Они оправдывают выбор своих отцов и дедов, который, в любом случае, едва ли возможно назвать предательством, если только он не был сделан по шкурным соображениям... Второй вид, то есть современные российские

“власовцы” — запутавшиеся люди, которые буквально поняли лозунг “хоть с чёртом, но против большевиков”... Надо переубеждать, приводить цитаты из русских национальных мыслителей, аргументировать, доказывать и так далее”.

“Голоса из хора” в данном случае достаточно единодушны. В том смысле, что никаких панегириков власовцам и призывов к безоговорочному единению с ними — нет.

Бурцев: “Генерала Власова давно уже нет в живых. О каких сторонниках речь?”

mr_lynx: “Прежде всего важно просветительство, чтобы данные люди осознали ошибочность своих убеждений и поняли всю предательскую и шкурническую сущность генерала Власова”.

yuritikhonravov: “Никак”.

В целом, мне кажется, высказанные позиции все достаточно комплиментарны по отношению друг к другу и показательны. Возродить гражданскую войну среди русских под каким-либо предлогом или знаменем никто не хочет.

“Русский, в русского не стреляй!”

Никогда и ни за что.

Вот такой консенсус вырисовывается.

* * *

Почему русскими националистами называют в том числе и сепаратистов, сторонников Новгородской республики и подобных им носителей сепаратистской идеологии?

Ответ на данный вопрос отличается замечательным единодушием: русских сепаратистов (национал-анархистов а-ля Широпаев) либо вовсе не признают за националистов, либо считают их извращением национализма. На этом сошлись практически все участники обсуждения, как “корифеи” (более однозначно и жёстко), так и “голоса из хора” (более терпимо).

Особенно хочется отметить мягкое и спокойное по тону, объективное и рассудительное выступление Крылова, который превосходно объяснил наличие сепаратистских тенденций в некоторых русских регионах: “Такие настроения подогреваются чудовищно несправедливым государственно-территориальным и экономическим устройством Российской Федерации, систематическим ограблением целых регионов, политикой препятствования развитию, преференциями “нерусским” национальным республикам за счёт русских областей. Мы живём в отвратительно устроенном государстве, и нет ничего удивительного в том, что люди готовы отделиться от него”.

На основании сказанного Крылов делает вывод, с которым невозможно не согласиться: “Единственное действенное лекарство от сепаратизма — это успех русского национального движения, удовлетворение чаяний русского народа. Если русские обретут своё государство, им не захочется бежать из него куда угодно”.

Аминь.

* * *

Как именно русские националисты намерены решать вопрос исторического примирения поколений, учитывая наличие как красного, так и белого дискурсов в националистическом движении и непримиримые разногласия между ними?

Констатируем сразу самое главное: яблока раздора и этот вопрос в нашу среду не вбросил, отколоть кусочек или кусище от националистического монолита не смог. Ибо большинство респондентов дружно сходятся на том, что сегодня время не разделять, а объединять нацию поверх социальных, идейно-политических, религиозных и иных барьеров. Как ехидно откомментировал Борцов: “Автор опросника попытался воткнуть клин между русскими националистами, по-разному оценивающими Гражданскую войну, но так как он кретин, ему это не удалось”.

Прекрасно и совершенно справедливо обозначил наш подход Крылов: “Русские националисты могут придерживаться разных взглядов на те или

инные страницы прошлого нашей страны. Важно то, что они думают по поводу её настоящего и будущего. Впрочем, если уж говорить об “историческом примирении красных и белых”, то именно русский национализм может предложить убедительную формулу такового. <...> Ситуация, когда русские массово убивают русских во имя каких бы то ни было идей и целей, для националиста неприемлема в принципе. <...> Национализм – это прекращение гражданской войны, как в обществе, так и в отдельно взятом человеке. Он выводит за рамки “красно-белого конфликта”, даёт цельность, силу и свободу русскому духу”.

Абсолютно солидарно с Крыловым выступил Севастьянов: “Сущность национализма именно в том, что он объединяет нацию, этнос поверх классовых, социальных барьеров. Как это было в 1613-м или в 1812 гг. Сегодня эта задача носит вполне актуальный характер, она обращена не в прошлое, а в настоящее. Поскольку основные смертельные угрозы и вызовы современности направлены не против отдельных классов, а против русского народа в целом как такового. Внедрить русский национализм в сознание различных русских элит – вот наш путь, вот задание номер один на ближайшую перспективу. А историческое примирение де-факто давно уже состоялось”.

“Голоса из хора” дружно подхватывают тему:

Бурцев: “Гражданскую войну надо заканчивать. Надо вести диалог о будущем, а не собачиться из-за прошлого. Надо договариваться между собой”;

psehetuk: “Исходя из принципа “нация превыше всего”. В том числе и любых идеологий, и любых конкретных исторических эпизодов”;

mr_lynx: “Примирение должно быть в совместных действиях сейчас”;

yuritikhonravov: “Отодвигая эти вопросы на второй план”.

Несколько новых штрихов внесли Диунов и Петров, показывая (на мой взгляд, верно), что красная идея сегодня менее органична для националистической теории, чем белая. Например, Диунов: “Есть другая часть “красных” – те, кто отрицают русское национальное государство, приносят русский народ в жертву своей идеологии. С такими “красными” русским националистом не по пути. Это тоже враги русской нации”.

В целом резюмировать можно словами Петрова, подчеркнувшего, что при решении данного вопроса следует исходить из непреложного принципа “последовательного сбережения русской нации”.

* * *

Что именно русские националисты думают о собственности в России, в том числе об итогах приватизации, и намерены ли они в случае прихода к власти предпринимать какие-либо действия в отношении пересмотра итогов приватизации?

По этому вопросу блестяще высказался Крылов – фактически за всех нас, исчерпывающе и совершенно верно. Привожу его ответ в небольшом сокращении:

“Непересмотр итогов приватизации” – это краеугольный камень нынешней россиянской государственности, её священная корова, в жертву которой уже принесены миллионы русских жизней (не говоря о материальных и духовных ценностях) и будут принесены ещё миллионы и миллионы. Кажется, что это государство готово истребить всех русских, чтобы только сохранить в руках новых элит ту огромную собственность, которой они обладают.

Русские националисты, разумеется, считают итоги приватизации национальной катастрофой. И дело тут не только в нарушенной справедливости. Важно не только то, какими путями нынешние собственники приобрели собственность, но и то, что они с ней делают сейчас.

Нынешний клан владельцев приватизированной собственности доказал на деле, что их деятельность вредна даже с точки зрения экономической. Люди, продающие за бесценок доставшиеся им даром минеральные богатства страны (может быть, с минимальной обработкой таковых) и прячущие деньги в офшорах – это даже не капиталисты, а самые обыкновенные грабители.

Поскольку же они грабители, то они не воспринимают доставшиеся им богатства именно как собственность – и, кстати, абсолютно не уважают чужую собственность. Потому-то под прикрытием лозунга “непересмотра итогов

приватизации” идёт непрерывный передел активов, объём собственности одними кланами у других, с активнейшим участием государства в этом процессе. Этот и составляет суть экономической жизни РФ.

Разумеется, никакое развитие в таких условиях просто невозможно. Таким образом, приватизированная собственность и клан её владельцев угрожают российскому обществу в целом. Это главный фактор нестабильности и деградации, как экономической, так и социальной, культурной и т. п. Это болезнь, которая разъедает весь общественный организм в целом.

Впрочем, приватизированная собственность и её владельцы – всего лишь верхушка пирамиды. Националисты считают не менее возмутительными и вопиющими такие явления, как фактическая монополизация выгоднейших секторов экономики союзом чиновничества, силовиков и этнических мафий, произвол в распределении государственных ресурсов (которые достаются им же), колоссальное давление на бизнес, и так далее. Сюда же мы относим политику государства, приводящую к уничтожению высокотехнологичных и наукоёмких производств, разрушению науки и культуры, и так далее.

Фактически русский народ отстранён как от прав на российские природные богатства, так и от возможности богатеть какими бы то ни было способами, кроме морально неприемлемых или незаконных. Русские находятся в ловушке искусственной бедности, из которой один выход – национальное освобождение, за которым последует и всё остальное.

Но вернёмся к приватизированной собственности и её судьбе. Стоит отметить, что пересмотр итогов приватизации вовсе не требует никаких революций, террора, рек крови и т. п. Достаточно соблюдать законы – современные российские законы. Это было наглядно продемонстрировано на том же “деле ЮКОСа” – каковое, заметим, отнюдь не привело к катастрофическим последствиям. <...>

Сказанное не исключает возможности временной национализации некоторых секторов экономики – в особенности нефтегазового комплекса, имеющего решающее значение для формирования доходной части бюджета”.

Ни одно высказывание иных респондентов не противоречит тому, что написал Крылов, а многие просто дублируют это в кратком виде, поэтому приводить их нет смысла: Крылов за нас сказал всё самое основное.

* * *

Какая политика, по мнению русских националистов, должна проводиться в отношении стран СНГ?

Большинство респондентов оказалось к данному вопросу (вообще-то тоже не предназначенному для избранного формата разговора) не подготовлено, если не считать Севастьянова, который служил в 1997–1999 годах замдиректора по науке Института стран СНГ и более-менее подкован профессионально. Его ответ допустимо привести целиком в качестве интегрального, потому что ничего противоречащего ему у других авторов нет:

“Справедливая, прагматичная и дифференцированная. На основе двусторонних соглашений. Желательно незамедлительное полноценное объединение с Белоруссией, хорошо бы под рукой Лукашенко... Здесь нельзя подробно разъяснить, как относиться к той или иной стране ближнего зарубежья. Но я, по крайней мере, сошлюсь на составленные мной сборники “Обман века. Документы и материалы к проблеме ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Россией и Украиной” (М., 1999) и “На пути к воссоединению России и Белоруссии” (М., 1999); а также на имеющую на днях выйти из печати книгу (в соавторстве с А. Б. Горяниным) “Русскому об Азербайджане и азербайджанцах”. Это три самые ключевые для нас страны”.

Это краткое по необходимости высказывание дополнил Борцов, напомнив: “Хорошие наработки на тему карты России, какой она должна быть, есть у А. Н. Севастьянова”. К сказанному дружно примкнули “голоса из хора”. Бурцев: “Страны СНГ – разные. Одни входят в ГУАМ, другие в ОДКБ. В одних странах живёт много русских, в других – нет. Соответственно, политика будет разной”; **mr_lynx**: “Разная. В зависимости от национальных интересов”; **yuritikhonravov**: “Национально-эгоистическая”. Слова разные, но суть одна.

Крылов отказался на сей раз отвечать по существу, поскольку “фантазии на эту тему столь же легки, сколь и беспочвенны... строить обширные планы на будущее сейчас бессмысленно”.

Но вот о два “камушка” пришлось всё же споткнуться на этой вроде бы гладкой дорожке. Один камушек маленький, почти незаметный, хотя и важный, второй – огромный, его не обойдёшь, не объедешь.

Первый обозначил Борцов: “Русских надо стараться переселить в Россию (нормально, а не как это делается сейчас для “россиян”, даже требование знания русского языка отменяют) отовсюду”. Ему подыграл Диунов (признавший, что необходим “этнический изоляционизм и экономическая экспансия на территорию СНГ, в том числе подкреплённая диктатом силы, если это необходимо”): “Привлечение русских с территории бывших советских республик на переселение в Россию, также защита русских, всё ещё остающихся вне пределов своей Родины”.

Опыт работы в Институте стран СНГ привёл меня к более строгому выводу. Надо различать русскую диаспору по характеру расселения. Одно дело – дисперсное расселение вдали от границ России: Средняя Азия, Закавказье, Молдавия. Оттуда действительно стоит бережно и рационально вывезти максимум русских. Другое дело – компактное расселение, граничащее с Россией: этих нужно закрепить и укрепить на наших исконных землях с последующим воссоединением в рамках государственной программы воссоединения разделённых народов (русского, осетинского и лезгинского). Мирно и в полном соответствии с международным правом и с практикой воссоединения разделённых наций, которую в изобилии продемонстрировал XX век (вьетнамцы, немцы, китайцы и др.)

Надеюсь, что, поразмыслив, Борцов, Диунов и их сторонники признают правоту подобного подхода.

Со вторым камнем преткновения – дело гораздо хуже. Потому что это неразрешимое противоречие сторонников империи, с одной стороны, и русского национального государства – с другой. Этот камень нам подкинул консерватор Петров:

“Единственной легитимной границей надо признать границу Российской империи на 1913 год (возможно, за вычетом Польши и Финляндии) плюс Южный Сахалин и Курилы (а про Калининградскую область забыл? – **А. С.**). Это и будет, так сказать, прожиточный минимум, то, с чего надо начинать собирание русских земель. <...>

Консерватор-русоцентрист может предложить три аргумента в пользу того, почему неславянские страны СНГ всё-таки имеет смысл включать в свою зону влияния, а возможно, и присоединять (почему надо присоединять славянские – и так понятно)”.

Опытному полемисту с первого взгляда видно, что к чему в этом противоречии. Поэтому я резюмирую так: в целом по заданному вопросу есть консенсус, а антагонистическое противоречие, неожиданное всплывшее в тексте Петрова, следует отнести к другому вопросу (об империи) и обсудить в соответствующем разделе.

* * *

Как именно русские националисты намерены строить отношения с гражданами России другой национальности в случае прихода к власти?

Все ответы носят характер умиротворительный, все респонденты постарались отойти от конфронтационной позиции, воздержались от резких, пугающих дипломатов заявлений. В ряде случаев, правда, отвечающие съехали на другую тему, заговорив о необходимости так называемой “позитивной дискриминации” в отношении русских, доселе подвергающихся обыкновенной, негативной дискриминации. Но эту сторону вопроса я обойду, поскольку нас спрашивали не о том. Итак:

Крылов: “Ни одна сколько-нибудь проработанная программа национально-государственного строительства (из тех, что я читал) не предполагает ущемления прав нерусского населения. Это и неудивительно. Русское движение является не империалистическим, а национально-освободительным”;

Севастьянов: “Справедливо, прагматично и дифференцированно. Как аукнется, так и откликнется”;

Борцов: “Национализм предлагает не минусы кавказцам и прочим. Национализм предлагает плюсы русским”;

Диунов: “Исходя из их лояльности русскому национальному государству”;

Бурцев: “Демократически. Один человек — один голос”;

mr_lunx: “С большинством коренных народов, населяющих Россию сейчас, конфликтов и проблем нет, а есть как раз взаимоуважение. Исключение составляют выходцы с Кавказа, живущие родоплеменным строем и ставящие себя выше, чем другие граждане. Их уверенность в этом подкрепляет и ЕР, обильно даря горским республикам дотации из бюджета, их диаспорам различные права, молодым выходцам оттуда бесплатные внеконкурсные места во всех вузах. Данную порочную практику нужно прекращать. Грубо говоря, почему-то с татарами, которых в Москве живёт много, никаких межнациональных конфликтов не бывает, а вот с “маленькими, но очень гордыми народами” — постоянно”;

yuritikhonravov: “Ответ Диунова: “Исходя из их лояльности русскому национальному государству”.

Особняком стоит единственный обстоятельный и основательный ответ, который дал консерватор Петров и который я решил привести почти целиком, поскольку он потрудился за всех прочих, а возразить ему нечего, ибо он совершенно правильно угадал и воплотил в своём ответе чрезвычайно важный принцип. А именно: он верно уловил, что главное отличие Русского национального государства от всех иных типов государственности состоит в том, что в нём критерием гражданства будет лояльность не к государству (как полагают Диунов и Тихонравов), не к конфессии, не к монарху, диктатору или правящей партии, а лояльность к государствообразующему народу — русским:

“Если речь идёт о тех, кто получил гражданство РФ после 1985 года — первым делом проверять и перепроверять четыре простых вещи:

— Легально ли этот человек его получил?

— Целесообразна ли для России и русского народа была его натурализация?

— Принадлежит ли оный человек к коренным народам России, т. е. традиционно живущим в РФ и не имеющим своего государства за пределами русской метрополии?

— Абсолютно ли чиста история его слов и дел по отношению к русскому народу до и после получения гражданства? Есть ли доказательства того, что этот человек не является какой-нибудь “Таджикской девочкой-2”? И есть ли гарантии от совершения этим человеком любых антирусских поступков в будущем?

В том случае, если ответ хотя бы на один из этих четырёх вопросов будет отрицательным — то “Ciao, bambino, sorry!”, как пелось в старой песенке. Это просто для начала, этакое *sine qua non*, чтобы упростить и сократить дальнейшую работу.

Если речь идёт о нерусских представителях коренных народов России, то, разумеется, надо относиться к ним так, как они этого заслуживают и как к ним относились раньше, когда Россия была национальным государством русского народа. <...>

Если же говорить о нерусских, представляющих некоренные народы России, то гражданство и аналогичные “почти полные” гражданские права надо давать лишь тем из них, кто заработал это право ценной службой России и русскому народу — как, скажем, заработал римское гражданство отец апостола Павла, поставивший палатки для римской армии.

Про всякие же там суверенные республики и этнократии в составе русской метрополии, ясное дело, “маленькие, но гордые народцы” могут забыть навсегда.

Заметим, что это вовсе не значит какой-то там дискриминации нерусских по национальному признаку. Напротив, сами нерусские народы, ныне входящие в состав России, некогда просили принять их, как говорил попугай из старого диссидентского анекдота, “хоть тушкой, хоть чучелом”.

Более того, такой подход — это высочайший кредит доверия, который большинство представителей этих народов заслужили и который они с избытком отработают в будущем”.

Думаю, что вышеприведённый текст Петрова является для националистов (среди которых я не знаю ни одного сторонника федеративного, а не унитарного устройства) в значительной степени интегральным, общеприемлемым.

Какие народы являются агрессивными и враждебными по отношению к русскому народу?

Вообще-то этот вопрос я считал и считаю шулерским, провокационным, подводящим под монастырь. И не только я один, сравните:

Севастьянов: “Вопрос провокационный, влекущий для респондента ответственность по ст. 282 УК РФ. Отвечать не стану”;

Борцов: “Увы — вопрос некорректен из-за “русской” 282-й статьи. Но могу ответить в общем виде: те, которые, имея свои исторические места компактного проживания и/или государственность в настоящем, сейчас не стремятся туда, а поселяются на территории русского народа, не имея желания к ассимиляции”;

Диунов: “На этот вопрос корректнее всего ответить после того, как Россия окончательно станет русским национальным государством”.

Однако были и попытки ответить по существу, но только в самом общем виде, так, чтобы никого не назвать конкретно и не попасть под уголовную статью. Образец дал Крылов:

“Сейчас подавляющее большинство нерусских народов относится к русским скверно. Как минимум — без уважения, как максимум — просто как к жертве. Особенно это относится к самым диким, самым агрессивным народам, в среде которых ценится только сила. Но и более мирные демонстрируют на практике всё то же самое. Когда их мало и они слабы, они боятся русских, но не уважают их. Если они получают хоть какую-то власть, то принимаются теснить русских, лишать работы и дохода, не давать житья, господствовать над ними во всём, начиная с экономических отношений и кончая политическими. В ситуации полной безнаказанности — грабят, насилуют, убивают. Но и “цивилизованные”, по нашим представлениям, народы — например, те же прибалты, которыми в советское время так восхищались и видели в них “европейцев” — относятся к русским не лучше. Так или иначе, в глазах всех народов современные русские — это люди второго сорта. По мере того, как русские начнут осознавать свои права и интересы и отстаивать их, отношение к ним будет меняться. Оскалы вновь сменятся улыбками, наглость — восточной вежливостью, ненависть — гостеприимством”.

В той или иной мере схожие взгляды высказали и остальные респонденты. Только более толерантный, но менее прозорливый **yuritikhonravov** уточнил: “Те, с которыми доходит до вооружённого противостояния”.

О СПОРНОМ

Пора перейти к вопросам, неоднозначно трактуемым в националистической среде, но не раскалывающим её, однако, на непримиримые друг к другу фрагменты.

Что общего между русским национализмом, нацизмом и расизмом, в том числе и с фанатами Гитлера?

Консенсуса в ответах на этот вопрос нет, ибо отсутствие у респондентов единого общего политологического образования, современного и продвинутого (с учётом такой дисциплины, как этнополитика), привело к тому, что у нас нет единого понимания даже на элементарном уровне базовых терминов. Научный подход здесь демонстрирует только Севастьянов как автор книг “Раса и этнос”, “Этнос и нация”, значительная часть которых посвящена именно проблеме выверенных дефиниций, без чего, естественно, невозможно и верное осмысление проблемы в целом. Грамотно отвечает также Борцов, искушённый многолетним исследованием проблемы национал-социализма в историческом и теоретическом аспектах. Подходы других авторов страдают идейно-теоретической хромой.

Ответ Крылова не претендует на репрезентативность, представляет позицию не националистов как таковых, а лишь его лично. Как он сам честно заметил в преамбуле: “То, что здесь сказано — это мои мнения и мои наблюдения, как теоретика и участника русского движения”. Поэтому автор дал самобытные, очень далёкие от хрестоматийных определения, под которыми вряд ли кто-то ещё из известных националистов подпишется, например: “Утвержде-

ние, что народы различаются по своим биологическим свойствам и культуре, расизмом не является. Расизм – это именно учение о праве истреблять, угнетать, эксплуатировать или унижать другие народы”, “Русский националист не может быть нацистом или классическим национал-социалистом”, “Национализм – общее понятие. Расизм – одна из теорий, обосновывающих определённый вид национализма, а именно империалистический национализм. Далее, “национал-социализм”, “нацизм” (он же “фашизм”) – экзотическая разновидность расизма. Таким образом, всякий расист – националист, но не всякий националист – расист. Соответственно, всякий нацист – расист, но не всякий расист – нацист”.

На деле все обстоит гораздо сложнее, интересы расы и нации нередко вступают в конфликт. Далеко не всякий расист является националистом, у нас немало таких русских ребят, которые готовы жертвовать собой (и другими русскими) ради торжества и выживания белой расы. Напротив, есть такие, как я, которые говорят: белая раса неотвратимо гибнет, влекомая инстинктом смерти, давайте сосредоточимся на спасении хотя бы себя, русских, чтобы затем на своей основе воссоздать и расу. Вообще расистский дискурс в русском движении архипопулярен, особенно у молодёжи. В теории мы вообще-то все расисты, но на практике национализм часто оказывается в противоречии с расизмом.

Очень обидно, что Крылов поддался определённому внушению и оказался в плену негативных коннотаций, навязанных российскому сообществу в связи с термином “расизм”. Оправдывая, обеляя национализм, он, вопреки логике, при этом обвиняет, очерняет расизм. Хотя, по аналогии с национализмом (любовь к своему народу и инстинкт этнического самосохранения), расизм есть забота о своей расе, стремление сохранить её в веках – не более не менее. Что сопряжено с острым переживанием расовой специфики, идентичности и ярче всего проявляется в ситуации расового конфликта. А поскольку сегодня незримо идёт настоящая всемирная война рас на истребление, бросить камень в расизм, в расистов – всё равно что зарезать собственного часового. Зачем было Крылову тиражировать миф о зловредности расизма, мне непонятно, ведь этот камень, отскочив, неминуемо зашибёт и националиста, его бросившего.

Что до нацистов (а этот термин относится только к национал-социалистам и более ни к кому), то это лишь разновидность националистов, исповедующая социалистические идеалы; она коррелирует не с расистами, а с национал-демократами, которым оппонирует по ряду идейных и тактических позиций. Это вообще иная, социальная, парадигма, никак не соотносящаяся с биологическими факторами (раса, этнос, нация). Ни национализма, ни нацизма никакой расизм не “обосновывает”.

Крылов, как следует из ряда его ответов, сознательно поставил себе ложную цель – отмыть, оправдать русское движение, которое в этом совершенно не нуждается. Он завершает свой первый текст пафосно и знаково: “У русского движения нет сколько-нибудь значимого фашистского прошлого, оно ни в коей мере не является фашистским сейчас, и его развитие идёт в сторону, противоположную фашизму. “Русский фашизм” сегодня – это жупел, которым враги русского движения пытаются махать, оправдывая угнетение русского народа и репрессии против русских активистов”.

Но позвольте! Ведь про фашизм нас никто вообще даже не спрашивал, к чему же такая поспешная попытка отмазаться, если ты не замазан?! Она заставляет вспомнить поговорку “на воре шапка горит”... Налицо явно дурная услуга.

Аргументацию Севастьянова, которая мне по-прежнему кажется единственно научной, я тут повторно разворачивать не стану. Кому это важно, пусть заглянет в источник (<http://www.sevastianov.ru/prochie-statji/tema-17-novyh-voprosov-russkomu-natsionalictu.html>). К сожалению, увлекшись, я забыл разъяснить то, что мне казалось и так всем известным: что нацизм – это немецкий национал-социализм образца НСДАП и ничто иное. Увы, из ответов большинства коллег я понял, что этот простой и давным-давно установленный исторический факт сегодня уже подзабыт, чем порождаются бесконечные фантазии на тему нацизма, избежал которых, пожалуй, один только Борцов.

Не могу не отметить грамотность подхода Борцова, который начал, как положено, именно с классических, хрестоматийных дефиниций, чтобы удер-

жать дискуссию в рамках возможного: “Нацизм – это, если строго, сокращённое название гитлеризма, нацисты (nazi) – это члены NSDAP, разговорное сокращение. К современности отношения не имеет, как нетрудно догадаться. Если же иметь в виду национал-социалистов не Рейха, то так и надо говорить: русские национал-социалисты (либо какие-то другие), а не путать терминологию... Фанаты Гитлера – это маргиналы, которые избрали своим фетишем Адольфа Алоизовича. К значительным по количеству группам русских националистов <...> они имеют отношение “незначительное подмножество”... Так что постановка вопроса крайне странная и указывает на полный бардак в голове”.

Я бы выразился резче: постановка вопроса провокационная, дающая установку на ненужные оправдания (на что, к сожалению, повёлся Крылов), на культивацию у русских националистов чувства неполноценности. И здесь наилучшим ответом являются именно попытки оправдываться, обеляться. Особенно в собственных глазах.

Далее Борцов тоже совершенно правильно отметил: “Общего же между (любим) национализмом, нацизмом и расизмом то, что указанные воззрения стоят на позиции учёта естественной разницы между различными группами людей по биологическому признаку (национальность или раса). Научно-естественная генетическая разница в генотипе (наглядно для рас, для наций одной расы культура имеет больший “вес”) имеет следствием разницу в фенотипе, менталитете, интеллекте, традициях и т. д. и т. п.”.

Не могу не согласиться и с заключительным абзацем Борцова: “Также общим между указанными позициями является то, что поборники т. н. “общечеловеческих ценностей” стремятся представить их исключительно в экстремистском варианте. Скажем, расизм – это понимание разницы между расами, а приписывается “концепция превосходства одной расы над другой”... Национализм же постоянно пытаются подменить жупелом шовинизма, который был в некоторой степени свойствен лишь нацизму, русский же национализм изначально имеет оборонительный характер”.

В целом, мне кажется, позиция Борцова если и не помогает полностью раскрыть проблему, то во всяком случае весьма объективна и полезна для дела.

Часть вопроса (только часть, но зато удачно и с фактической, и с политической, и с нравственной точки зрения) осветил Петров, отметивший:

“И русские националисты, и немецкие нацисты имели и имеют одну цель – освобождение, сбережение и развитие своей нации. Но идти к ней русские националисты и немецкие нацисты планировали и планируют принципиально различными средствами. Отсюда и разница в результатах, промежуточных и окончательных.

Собственно, что есть нацизм? Это “национализм”, плюс “социализм”, плюс “агрессивный империализм”, плюс “расизм”. Среди русских националистов легко найти индивидов, сочетающих в себе максимум два из этих четырёх убеждений, но не три и, тем более, не четыре.

О немецком национал-социализме лучше всего судить по его конкретным плодам для немецкого народа: Германия оказалась в рабстве много хуже “веймарского”, миллионы немцев были убиты, вместо них ввезены миллионы агрессивных инорасовых и иноверных мигрантов <...> на сто с лишним лет введено внешнее управление. Спрашивается, нам оно всё надо? “В топку”. Это ответ на вопрос, какое отношение может быть у русских националистов к современному русским же “фанатам Гитлера”. Заимствовать отдельные достижения, может, и нужно, но важно при этом следить, чтобы и всё остальное не получилось “как у Гитлера”.

Другое дело, что подлинный национализм невозможен без социальной справедливости. Но глубоко ошибочно ставить знак тождества между “социальной справедливостью” и “социальным равенством”, на коем как раз настаивает классический социализм. Социальное равенство, как остроумно доказал Иван Ильин и подтвердила сама жизнь в СССР и “странах соцлага” – абсолютно не совместимо с социальной справедливостью. Вместо справедливости получается уравниловка для большинства и привилегии для избранных. Поэтому националистам, настаивающим на стремлении к социальной справедливости, лучше не называть себя национал-социалистами. Во-первых, потому что сие название исторически скомпрометировано, во-вторых, потому что применительно к ним оно будет просто неверно”.

Я знаю многих русских национал-социалистов, которые охотно поспорили бы с Петровым, но лично у меня принципиальных возражений нет.

В целом я не считаю противоречия в позициях респондентов архиважными и непреодолимыми. Но думаю, что открытая дискуссия на эту тему была бы полезна. А поскольку одна сторона в дискуссии будет представлена строгой наукой, а другая – предрассудками и частными предположениями, все участники должны будут в итоге непременно прийти к единому, объективному и выверенному, мнению. Раскола среди националистов обсуждение данной темы не предвещает.

* * *

Являются ли русские националисты антисемитами?

Ввиду того, что автор этих строк широко известен именно как эксперт по еврейскому вопросу, позволю себе цитату из своей прошлогодней статьи “Что происходит с русским движением”:

“Важнейший фланг русского фронта традиционно занимают организации, СМИ и общественные деятели, посвятившие себя борьбе с сионизмом и юдократией. При этом сионизм понимается, разумеется, не как всемирное движение евреев на свою историческую родину Израиль, а как светская разновидность иудаистической религиозной доктрины еврейского превосходства, неполноценности остальных народов и еврейского господства над миром. Если иудаизм пытается обосновать эти три тезиса с помощью веры, то сионизм, порой не отбрасывая религиозные аргументы, использует и иные. Что же касается юдократии, то это явление характеризуется в современной литературе так: “Это режим, при котором ключевые позиции в политике, экономике, информационном поле (общественном сознании) оказались заняты людьми еврейской национальности или породнёнными с таковыми” (В. И. Корчагин. Русские против юдократии. – М., Витязь, 2006). <...>

Тот, кто не разобрался досконально в еврейской теме – и, специально и особенно, в роли евреев в российской истории, – тот никогда ничего не поймёт и в текущем моменте. Обратится ли он к проблеме положения русских в России или к проблеме заселения России незванными пришельцами, он обязательно при добросовестном исследовании упрётся в еврейский фактор. Да и обращение ко многим наиболее важным мировым проблемам, будь то глобализм а-ля США или судьба белой расы и христианского мира, приведёт исследователя всё к той же “трёхтысячелетней загадке”. Мне довелось глубоко проникнуться этим пониманием, работая над монографией “Чего от нас хотят евреи”, а также над брошюрами “Всемирная интифада”, “Итоги XX века для России”, послесловием к книге Дэвида Дюка “Еврейский вопрос глазами американца”, предисловиями к книгам “Русские против юдократии” и “Россия и евреи”, многими статьями и публикациями на еврейскую тему. С тех пор попытки некоторых деятелей русского движения судить о русской проблематике, не разобравшись как следует в еврейской, не вызывают у меня ничего, кроме неуважительной насмешки и скепсиса. Скажу твёрдо и однозначно: не понимаю досконально еврейский фактор, в русском движении делать нечего. Это самый настоящий квалификационный тест для любого русского лидера”.

К сожалению, ответы на вопрос Данилина однозначно показали: из десяти респондентов указанный квалификационный тест прошли только двое: Севастьянов и Борцов (последний именно в силу того, что полностью солидаризовался с Севастьяновым, ответив на вопрос обширной цитатой из названного специалиста). У остальных по еврейскому вопросу в голове царит разноцветный туман, ответы носят крайне приблизительный, противоречивый, а то и неверный характер. Что не может не удручать глубоко. Тема эта не такова, чтобы можно было отделаться ёрничаньем и дешёвыми парадоксами, которыми многие прикрывают своё ложное смущение.

По сути дела, ушёл от ответа, видимо, “постеснявшись”, Крылов: “Да, конечно, среди русских националистов можно найти антисемитов. Можно их найти, наверное, и среди либералов, и среди коммунистов, и даже среди поклонников Ктулху. Антисемиты, представьте себе, встречаются даже среди евреев. <...> Так или иначе, это всего лишь мнения и симпатии. Что касается существенных черт современного русского национализма, то антисемитизм к ним не относится”.

Крылов пытается доказать этот сомнительный тезис тем, что, “несмотря на постоянные крики об “антисемитизме”, “грядущих погромах” и прочую словесную пачкотню, за все эти годы не было ни одной попытки совершения подобных действий на самом деле”. Но ведь погромы — это лишь реакция малообразованных трудовых масс на еврейское угнетение и еврейскую подрывную антигосударственную деятельность, прокатившаяся в начале XX века по западным губерниям России (нынешняя Молдавия, Украина, Белоруссия). У мало-мальски образованной публики антисемитизм (точнее, юдофобия) и тогда и теперь выражается по-другому, о чём Крылов, радея о “белых одеждах” русского национализма, умолчал. Но ведь сегодня, строго говоря, следует открыто признать: умный, образованный и порядочный человек, русский интеллигент в лучшем смысле этого слова, не может игнорировать то, что с его народом сотворили евреи в XX столетии.

Мотив Крылова прозрачен: отвести от русского движения наиболее грубо сфальсифицированные обвинения, покончить с враждебным жупелированием вокруг доброго имени русского национализма. В том числе отбросить жупел антисемитизма. (С той же целью он оправдывался в причастности русского движения к фашизму, хотя его и об этом никто не просил и даже не спрашивал.)

Напрасные надежды, не стоило стараться! Как заметил в аналогичном случае Солженицын, “потёмки света не ищут”, наших врагов менее всего интересует правда-истина в отношении нас: какими бы мы ни были прекрасными, нам не избежать ярлыков, клейм и т. д. самого сомнительного свойства. Тьфу на них! — и больше ничего.

Уклонился от ответа Диунов, пустившийся вместо того в фантазии о “еврейском национализме, проявляющемся в форме сионизма”. Согласно которым “русские националисты, безусловно, должны поддерживать сионистов и их доктрину воссоединения евреев в их государстве”. Как если бы данный автор и не слыхивал никогда о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1975 года, приравнявшей сионизм к фашизму и расовой дискриминации. Свои, не менее своеобразные и не более обоснованные фантазии насчёт отношения русских к евреям высказал и Петров: видовым-де признаком “русского национализма антисемитизм быть не может ни в коем случае”. А вообще-то, оказывается, “нормальный православный еврей” у “адекватного русского националиста” может вызывать лишь “глубокое уважение, как человек, преодолевший застарелые заблуждения и вернувшийся к истинной вере своих предков”. Слово и не знает г-н Петров знаменитую русскую пословицу “жид крещёный — что вор прощёный”!

Надо сказать, что все эти идейные вихляния идейно терроризированных русских мыслителей производят малопочтенное и удручающее впечатление.

“Голос из хора” выдал всю гамму признаний: от безапелляционного “да” до столь же безапелляционного “нет”, не забыв и промежуточные варианты.

Указанное положение дел вопиет о крайне неудовлетворительной работе русской агитации и пропаганды среди своих. Однако, поскольку тут не место для ликбеза, можно подчеркнуть лишь, что в русском движении основательный ответ пока попросту не выкристаллизовался в массах, и в этой области надо работать, работать и работать не покладая рук, преодолевая в собственно русском сознании табу и комплексы, культурные штампы, безграмотность и умышленную лень.

До консенсуса тут нам, как видно, ещё далеко, но биться друг с другом по данному поводу мы, конечно же, не станем. Все точки расставит в своё время благое просвещение, для этого надо лишь много потрудиться от чистого сердца.

* * *

Почему русские националисты постоянно ссорятся и не могут создать единого националистического движения?

Отвечая на этот вопрос, Крылов решил перевести разговор в историческое русло, но лучше бы он этого не делал, ибо история русского движения для него, образованнейшего во многих областях знания человека, пока что есть *terra incognita*. Увы, увы мне! И я когда-то, будучи в возрасте Крылова, поддался обычной логике неопита, предполагающего, что отсчёт исторического

времени начался именно с него. И я переболел подобной самонадеянностью и неблагодарностью — из-за невольного невежества, поскольку доступных источников по истории русской идеи при Советах не было, как нет их и сейчас. Но я говорю об этом сегодня смиренно и покаянно, отдавая позднюю дань уважения предшественникам, таким как Г. Шиманов или А. Иванов (и многие другие), не говоря уж о наших ранних предтечах — М. Меньшикове, О. Родионове, В. Строганове и др. Невольно думается: как правы были коммунисты, столь важное значение придававшие истории КПСС как учебному предмету. Пожалуй, впору уж и нам писать учебник по истории русского движения, чтобы не были незаслуженно забыты ни его герои, мученики и идейные творцы, ни годы важнейших споров и исканий — а с ними и выстраданные истины национализма, добытые в жестоких идейных баталиях. Ибо тот, кто не потрудился знать историю вопроса, обречён, с одной стороны, всё время изобретать велосипеды и ломиться в давно открытые двери, а с другой — наступать на одни и те же роковые грабли, не раз уже оставившие следы на крепких лбах предшественников. К сожалению, эту болезнь незнания собственных идейных корней и нелюбопытства к ним приходится считать повальной и хронической эпидемией среди русских националистов.

Здесь не место, однако, восстанавливать историческую правду, поэтому сразу перейду к сути дела, отметив, что исторический экскурс ничего не дал Крылову для раскрытия темы. Ибо ответ на вопрос он увидел в том, что в рядах националистов нет идейного единства: разделительные доктринальные нюансы плюс «обычные беды маргинальных движений: мелкие амбиции лидеров, организационная беспомощность, банальная бедность». Но согласиться с такой концепцией трудно: доктринальные нюансы есть неизбежность любого дискурса, любой теории и идеологии; они имеют очень небольшое влияние на способность к объединению больших общественных сил, заинтересованных в политических переменах. Когда настает время действовать, теоретические разногласия, даже значительные, отходят на второй план, и вот уже большевики объединяются с левыми эсерами, к ним подключаются анархисты, бундовцы и ещё Бог весть кто. А в иные роковые годы (например, когда страна огромная поднялась на смертный бой), вообще никто никого не спрашивает о заветных убеждениях, а молча встаёт плечом к плечу в одном окопе.

По-видимому, подсознательно Крылов и сам это знает, поскольку панацею видит в популярной сегодня концепции сетевой структуры, а ведь сетевые ячейки не заключают между собой идейных соглашений. Он пишет: «Я не думаю, что русское движение придёт (или хотя бы должно стремиться) к «единству», если под ним понимать единую организацию, «руку миллионнопалую», управляемую каким-нибудь «харизматическим вождём». Нет, я не исключаю подобной перспективы, но считаю её реализацию маловероятной. На наших глазах складывается иная система — а именно сеть русских организаций, тесно координирующих свою деятельность, связанных совместными проектами, перекрёстным членством, личными контактами и, конечно, общей целью — созданием русской нации и строительством русского национального государства».

Нельзя не отметить, что обольщение идеей сети — своего рода мода среди современных политехнологов, воочию наблюдавших могущество сетевых структур в ходе так называемых цветных революций. Но для их триумфа нужны определённые условия (об этом ниже). А в противном случае выходит конфуз, и всё обольщение оказывается напрасным. К примеру, Крылов излишне оптимистично написал: «Уже сейчас мы видим, что русские организации, которые стоят на позициях последовательного национализма, умеют договариваться между собой, невзирая на идеологические симпатии и антипатии». В то время как политические итоги минувшего года самым наглядным и ярким образом явили нам прямо противоположную картину чудовищного раскола и раздрая даже между ближайшими по идеологии организациями. И не только между ними, но и внутри них. И все временные тактические договоренности полетели при этом к чертям собачьим (обидно, но факт). И русское движение сегодня лежит в осколках. . .

Вопросец, между тем, оказался, как видно, не прост, ибо большинство респондентов ответить на него не смогло. Диунов вообще откровенно признался: «Честно скажу — не знаю. Что есть, то есть». Абсолютно аналогично отозвался Бурцев: «Да, есть такая беда. Тут сложный вопрос», Петров отделался ничего не значащим и ниоткуда не следующим обещанием: «В общем, «дело пойдёт на

лад” и уже идёт”. (Как бы не так!) А yuritikhonpravov столь же поверхностно разъяснил, ничего не разъяснив: “Русский национализм плюралистичен”.

Совершенно неубедителен оказался на сей раз Борцов: “Ответ простой, хотя и комплексный: из-за множества факторов. Начиная с того, что... в русский национализм идут принципиальные люди (причём самостоятельно мыслящие, из-за чего чуть ли не у каждого – своя идея “как правильно”), и заканчивая действиями государства, направленными на прекращение таковых действий. <...> Конечно, есть и случаи “дележа места фюрера”, но в общем виде – именно из-за искренности”.

Но ведь этак получается, во-первых, что такой своей искренней раздробленностью русским следует чуть ли не гордиться – какие они честнейшие молодцы! А во-вторых, изжить её вовсе не представляется возможным, ибо идейные расхождения будут всегда, а лишиться искренности в таком деле – не дай Бог.

“Голос из хора” по имени f_dragon869 осознал неудовлетворительность сведения проблемы к идейным разногласиям: “Поверхностный ответ – потому что все люди разные”. Но тут же дал столь же поверхностный, хотя, по его мнению, “глубокий” ответ. “Потому что (возможно) лидеры различных националистических движений ставят личные воззрения и амбиции выше общего дела”. С ним солидаризовался mg_lunx: “Мешают лидерские амбиции отдельных людей, такое было со многими движениями разной политической направленности. Это естественно”. Отчасти этот же аргумент, как мы помним, использовал и Крылов.

Если вдуматься, все эти ответы (включая наигранный и безосновательный оптимизм Петрова) выражают растерянность и глубокий пессимизм. Ибо совершенно не видно, как можно преодолеть причины расколов и раздراء. И только два ответа содержат в себе намёк на такое преодоление, ибо исходят из более глубоких закономерностей.

Севастьянов: “Это нормальное положение для любой сетевой организации при отсутствии Генерального Заказчика, обладающего средствами и авторитетом, способного всех построить, всем раздать задание и всё проплатить. Ждём-с”;

psehetuk: “Потому что русский национализм, увы, приходится строить исходя из теорий, а теорий можно придумать миллион. Успешный же национализм формировался исходя из биологического чувства приязни к сородичу и опаски по отношению к чужаку – у русских была особая история, им, к сожалению, “биологическим” национализмом обзавестись не удалось”.

Понятно, что из этих двух ответов следует: глупо сожалеть о том, что сложилось в силу исторической неизбежности. Ход истории надо прежде всего верно понять, а поняв – верно откорректировать. В практическом плане нужно весь акцент в националистической пропаганде сосредоточить на биологическом аспекте национального родства и близости русских людей, что гораздо верней и основательней пустопорожних разговорчиков о “русском духе”, провоцирующих всё новые расколы. Это во-первых. А во-вторых, необходимо выждать исторический момент, когда появится потенциальный Генеральный Заказчик, но выжидать, конечно же, не пассивно, а ведя непрерывный и глубокий зондаж в кругах русских предпринимателей. Хочу надеяться, что обе рекомендации не вызовут серьёзных возражений ни у кого из русских националистов.

Как видим, данный вопрос не породил ни единого ответа, ни принципиального спора; расхождения во взглядах на проблему не вносят раскола в наш лагерь.

О ВОДОРАЗДЕЛАХ

На фоне того почти абсолютного согласия и бесконфликтности (а если конфликты и отмечаются, то по образцу приснопамятного конфликта хорошего с лучшим, не носящего антагонистического характера), которыми отмечены практически все ответы на вопросы Данилина, тем больший интерес приобретают редкие, но основательные водоразделы в русском движении. Иногда такой водораздел, антагонизм не виден на поверхности, но он полностью открыт, однако, для опытного участника движения, знакомого с внутренними обстоятельствами. Итак...

Почему русские националисты полагают возможным выступить рядом с нацистами и национал-социалистами?

Вопрос номер четыре по списку; он тесно связан с первым вопросом о расизме и нацизме, возвращает нас вновь к данной проблеме, выдавая сугубую озабоченность ею кремлёвского аналитика. Понятно, что для Кремля (в том случае, если он начнёт, как я предположил, конструировать собственную русско-националистическую доктрину) опасно быть скомпрометированным в глазах мировой общественности. И эта опасность исходит, главным образом, именно от близости многих участников русского движения к национал-социализму в его историческом или актуальном содержании. Вот ведь в чём трюк: как кремляди возглавить русское движение — и при этом не запачкать чем-то сомнительным свои белые штанишки? Даром что в глазах всего цивилизованного человечества они не столь уж белы и чисты, так что терять особо нечего, но, видимо, усталый мозг обывателя так основательно напшигован самыми расхожими жупелами XX века — нацизм, расизм, фашизм, антисемитизм, — что не считается с этим спецпропагандоны, конструирующие кремлёвские инициативы, не могут.

Должны ли мы, русские националисты, облегчать власти задачу и, теряя собственное достоинство и, что немаловажно, многочисленных соратников, отмазываться от тени подозрений, как та жена Цезаря, которую это не спасло от развода? Должны ли уподобляться небескорыстным пропагандонам? Или надо спокойно признать, не вдаваясь в дискуссии по существу, что в нашем движении есть “всякой твари по паре”, и что на данном этапе нашей борьбы продуктивней всего единство рядов, а значит, актуальна идеология и тактика непререженчества, позволяющая отложить принципиальные вопросы на потом? А может быть, напротив, продолжая двигаться плечом к плечу с русскими организациями всех идейно-политических толков, одновременно вести сколь угодно жёсткие принципиальные дискуссии? Или всё же отделить овец от козлиц по принципу бог знает кем определённой рукопожатности/нерукопожатности? Посмотрим, как высказались на сей счёт респонденты.

Константин Крылов абсолютно справедливо отметил, что нацисты играют роль не коренника, а пристяжной в упряжке русского движения. “Русские националисты — самостоятельная сила, именно они устраивают мероприятия, они озвучивают свои собственные лозунги, у них есть своя программа, и она не является нацистской. Ни о каком присоединении русских националистов к каким-то “нацистам” говорить не приходится”. В то же время “некоторые люди, которые считают себя “фашистами” или “национал-социалистами” (или называют себя таковыми — исповедуя вместо настоящего национал-социализма некие собственные фантазии на эту тему), выражают симпатии к русским националистам и участвуют в наших акциях. Не мы идём к ним — но они идут к нам”.

И завершает свой ответ Крылов совершенно блестящим, на мой взгляд, пассажем, к которому ни прибавить ни убавить: “Русское движение — не секта, не сборище параноиков и не проплаченная тусовка. Мы никого не боимся — и поэтому зовём к себе всех, в том числе и представителей самых крайних взглядов. Пусть они — фашисты, либералы, демократы, консерваторы, коммунисты, верующие, неверующие — приходят к нам, пусть участвуют в наших делах, пусть становятся русскими националистами. Мы готовы взаимодействовать со всеми, кто не настроен враждебно к русским интересам и открыт для диалога”.

Мудрая позиция, которую в общем и целом разделяют почти все участники разговора, в том числе Севастьянов: “Нацисты (они же национал-социалисты, если П. Данилин не знает) хотят для русских добра, но неверно его понимают. Значит, мы вдвойне обязаны с ними работать. Разъяснять их неправоту, пропагандировать нашу правоту, направлять, но отнюдь не отстраняться. Хотя и не позволять себя с ними отождествлять, так как это плохо кончится для всего движения. Ведь все враги нашего движения мечтали бы поставить на нас клеймо “нацистов”, мы не должны играть им на руку”. Памятуя о том, как враждебные СМИ мастерски использовали внешний вид бойцов РНЕ (“баркашевцев”) в 1993 году, чтобы оправдать расстрел парламента, мы не должны подставляться, позволять навешивать на нас ярлыки, превращающие русское движение в расстрельную мишень в глазах мировой общественности: это требование здорового прагматизма.

Интересное понимание вопроса показал Диунов: “Воспроизведение политических стереотипов Германии семидесятилетней давности абсолютно

нереально. А если кого-то из молодёжи привлекает протестный потенциал “зигхайля” или свастики, то надо понимать, что это не нацизм, а национализм, который хорошо знает, что вызывает ненависть современного либерального и политкорректного мира. И поэтому некоторые люди порой сознательно используют эстетику национал-социализма, для того чтобы наглядно показать своё отношение к ценностям вырождающейся цивилизации”. Он, как видим, совершенно не разделяет отношения к современным национал-социалистам как к жупелу и тоже не видит оснований отлучать данный сектор от движения в целом. Жаль только, что подобный взгляд пока не доминирует в мире...

Коротко и ясно и близко по смыслу высказались остальные участники, включая Петрова:

Петров: “Националисты – не элитный закрытый клуб. Приходи, поговорим, переубедем”;

f_dragon869: “Общие черты – антикоммунизм, ну и собственно национализм”;

Бурцев: “Ну, назовите национал-социализм шведским социализмом. Что тут плохого?”;

psehetuk: “Потому что теорий много, а практических примеров построения национального государства в сверхсжатые сроки во враждебном окружении и при неказистых стартовых условиях – мало”;

yuritihtonravov: “Русский национализм плюралистичен”.

Но вот ответ, звучащий полным диссонансом вышеописанному благостному консенсусу, радикально противоречащий ему и заслуживающий отдельного рассмотрения, поскольку он дан принципиальным сторонником и теоретиком современного русского национал-социализма Борцовым. Выявившееся противоречие относится, на мой взгляд, к непримиримым, антагонистическим. Ведь Борцов, в отличие от всех нас, не только не считает национал-социализм боковым ответвлением (подвидом) русского национализма и тем более не реликтовым течением, атавизмом; нет, он убеждён, что “НС – единственный вариант последовательного национализма” вообще! Такая крайняя, максималистская позиция обусловлена, на мой взгляд, характерным для постсоветского массового мышления заблуждением: социализм отождествляется с социальными гарантиями, а не с общественным строем (производительные силы + производственные отношения, в первую очередь форма собственности, система управления ею). Борцов, глазом не моргнув, так прямо и пишет: “Национализм без социализма – фикция. Если нет социальных гарантий, то нет заботы о всей нации, а лишь о части таковой (скажем, так называемый “национал-либерализм” постулирует преференции для некоего “среднего класса”). Но раз нет патернализма по отношению ко всей нации, то какой же это национализм?”

И далее следует мечтательное определение НС, абсолютно ниоткуда, кроме как из фантазий автора, не следующее: “Суть НС – это вовсе не “все плюшки должны принадлежать нам”, а идея Развития в самом общем виде”. С такой философией спорить просто невозможно, поскольку дискуссия явно будет проходить по Салтыкову-Щедрину: “Я ему резон, а он мне – фьюить!”

Значение реплики Борцова в нашем контексте очень велико. Ибо преуменьшать, принижать роль национал-социалистических интенций в русском движении нельзя, они на самом деле весьма существенны. И Борцов даёт прекрасный повод сказать о том, что в действительности в движении наблюдается капитальный водораздел отнюдь не теоретического, а самого что ни на есть практического свойства. Рядом с которым противоречия, скажем, монархистов и анархистов – незначительная мелочь, не мешающая совместным действиям. Это водораздел, по одну сторону которого находятся национал-демократы (к примеру, мы с Крыловым и другими), а по другую – национал-социалисты (Борцов сотоварищи).

Пусть Борцов неправоммерно отождествляет социализм с патернализмом, с социальными гарантиями; положим, это грубая теоретическая ошибка, но вместе с Борцовым ошибаются тысячи (увы, я знаю, что говорю!) активистов русского движения, и не считаться с этим нельзя. Ведь различия и расхождения между национал-социалистами и национал-демократами существуют не только в теории, и не только в их социальной базе, опорных слоях населения. Они ещё и в тактике; причём расхождения настолько, к сожалению, принципиальные, что способны в ответственный момент реально развести участников движения не только по разным штаб-квартирам, но и по разным сторонам баррикад. Историю порой двигают именно массовые заблуждения!

Вся проблема в том, что национал-социалисты делают ставку на физическую активность широких масс, которые на деле давным-давно уже социально дефективны и за последние пятнадцать лет показали свою полную неготовность к национальной революции. Так убеждает меня опыт всей современной общественно-политической деятельности. В политическом смысле эти пресловутые народные массы днесь не стоят ничего, если не считать тех дней, когда они влекутся к избирательным урнам. Однако такова политическая опора НС, их социальная база. По мере расширения слоя “среднего класса” эти характеристики масс будут только укрепляться. Народа нет, но есть электорат: эту циничную, но оттого не менее актуальную мысль давно поняли и успешно эксплуатируют наши противники.

Я убежден, что у национал-социалистов нет никаких, даже малейших перспектив взятия власти. Они опираются на пустоту, ибо они востребованы пустотой.

Национал-демократы (я в том числе), в отличие от НС, делают ставку не на революцию снизу, а на реформы сверху. Только одни из нас считают, что такие реформы Кремль сотворит добровольно, подчиняясь наконец-то верно понятой исторической необходимости. А другие (я в том числе), не питая уже никаких иллюзий, предполагают, что это может произойти не иначе как под давлением русского национального сопротивления. К такому развитию событий нашу страну подталкивает недалёкая политика властей, усиленно загоняющая в подполье русское движение, вытеснившая его из легального пространства. Сегодня ещё есть выбор между этими двумя путями, хотя Кремль делает всё, чтобы отрезать себе первый из них. Но развилка близка, и ход событий, направляемый Кремлём, постепенно приобретает, увы, необратимый характер.

Сказанное позволяет мне, ввиду апологии НС со стороны Борцова (тот факт, что он в меньшинстве, не отменяет ни самого раскола, ни его глубины), поставить данный текстовый блок в разряд антагонистических противоречий.

* * *

Почему русские националисты в штыки встречают любые инициативы системных партий, направленные на поддержку националистического дискурса, в частности, речь идёт о “Русском клубе “Единой России” и последних инициативах КПРФ?

Ответы на этот вопрос позволяют ещё раз подчеркнуть, что водораздел, пролеглий между национал-социалистами, возлагающими надежды на активность народных масс, и национал-демократами, ожидающими реформ “сверху”, на самом деле проходит ещё глубже. Потому что тут на первый план вышли уже разногласия внутри самих национал-демократов. Как было сказано выше, одни из них рассчитывают, что Кремль сам прозреет и повернётся, наконец, лицом к русскому народу. Другие убеждены, что это случится не раньше, чем жареный петух основательно исключёт зады кремлёвских аборигенов, ибо сами они по своей природе не способны искренне переделаться в русских националистов, не желая по-прежнему не только решать, но даже и обсуждать основные этнические проблемы русского народа с его компетентными представителями. Не случайно ведь никто из реальных лидеров русского движения, вроде Александра Белова (Поткина), Игоря Артёмова или тех же Крылова и Севастьянова, не получил приглашения на ТВ для обсуждения “Русского проекта” или тех самых инициатив КПРФ (системной оппозиции). Да и для участия в пресловутом “Русском клубе” ЕР” провели жесткий отсев, пригласив лишь отдельных, “договороспособных” публицистов, а не популярных, но неудобных почему-либо для властей политиков, идеологов или журналистов. Так что говорить следовало бы о нежелании системных партий связываться с настоящими, не бумажными тиграми русского национализма, с бескомпромиссными националистами.

Но, как уже было сказано, не все националисты в принципе считают необходимым и возможным садиться с властями за стол переговоров. Неудивительно, что представитель НС-идеологии Борцов просто устранился от обсуждения данного вопроса, сделав характерное заявление: “Я, честно говоря, не отслеживаю программы цирков. Ежели некто заявляет, что “Единая Россия”, стоящая на отчётливо антирусской позиции, или коммунисты, чья доктрина

интернациональна по определению, проявляют русскую националистическую инициативу (а почему не действия?) – пусть предъявит результат. Тогда будет о чем говорить”. Основная полемика развернулась без его участия.

Наиболее резко и определённо несогласные позиции выражены Севастьяновым, с одной стороны, и Крыловым – с другой.

Севастьянов: “Идеи русского национализма слишком дороги нам, русским националистам, чтобы спокойно наблюдать их профанацию в холодных руках политических дельцов, никакого отношения к русскому движению не имеющих, закоренелых космополитов (“Единая Россия”) и интернационалистов (КПРФ)”.

Чувствую необходимость пояснить: сказанное не означает полный отказ от диалога, от совместных обсуждений, “круглых столов” с участием как неформальных русских лидеров, так и администрации президента (а лучше всего – самого президента). Но признавать последних за “хозяев дискурса” – это уж увольте, такое надо заслужить, и не только “правильными” словами (которых, кстати, мы пока так и не слышали), но, с учётом их огромных возможностей, не менее правильными делами.

Позицию Севастьянова в той или иной мере разделило большинство респондентов. Вот их ответы.

f_dragon869: “Потому что системные партии, выражая схожие инициативы, создают конкуренцию самим несистемным националистам. И националисты знают, что у системных партий в выражении инициативы будет явное преимущество ввиду более широкого доступа к СМИ – хотя бы”.

Петров: “До тех пор, пока ни одна из “системных” партий не объявила открыто о своём идейном русизме и о своём идейном консерватизме да не подкрепила слов делами – ожидать от них чего-то хорошего для России и русских проблематично в принципе”.

psehetuk: “Потому что системные партии, обладая достаточными силами для того, чтобы реализовать свои инициативы и без верноподданнического восторга со стороны националистов, почему-то никогда не идут дальше “стравливания пара”.

mr_lynx: “Русские клубы и пикеты, типа недавних, организованных “Молодой Гвардией”, русские националисты и сами могут организовать, без помощи ЕР. От партии власти ждут не слов и махания транспарантами, а действий. Действия же полностью противоречат убеждениям националистов”.

С принципиально иных позиций ответил Данилину Крылов. Он решительно отверг обвинения в несотрудничестве, нелояльности и даже заявил, что “вообще русские националисты крайне позитивно относятся к любым инициативам “системных” партий, когда они делают шаги в правильном, с нашей точки зрения, направлении (а когда такое было?! – **А. С.**)”. Правда, аргументировать это заявление, увы, оказалось совершенно нечем, кроме как собственным субъективным опытом: “Лично я – постоянный участник Русского Клуба, заседания которого охотно посещают и другие деятели русского движения. Я поддерживал инициативы Клуба и принимал участие в их обсуждении и разработке. Я считаю эту деятельность полезной и конструктивной”. К сожалению, Крылов не указал имен конкретных “деятели”, что заставляет подозревать некоторую фиктивность, фантомность этих славных когорт. Есть ли на деле эти деятели? Деятели ли они? Если, конечно, не причислять к “деятелям” широко неизвестного в националистической среде Диунова, который – единственный – солидаризовался с позицией Крылова: “Я лично участвовал в таких инициативах, потому что считаю – единственное будущее, которое осталось у власти, это национализм. Если она эволюционирует в этом направлении, то она спасёт и себя, и русский народ, и его государство. Поэтому я участвовал в инициативах “Единой России” и сделаю всё, что зависит от моих сил, чтобы необходимая эволюция власти произошла”.

Что ж, как говорится, кабы нашему теляти да волка съесть. Но мне лично вспоминаются почему-то сказочки Салтыкова-Щедрина, который в своё время немало поразмышлял точь-в-точь над теми же проблемами оппозиционной стратегии и тактики.

Пока что я резюмирую: в русском движении есть три плохо совместимых позиции по вопросу сотрудничества с системой (в лице Кремля ли непосредственно, в лице ли системных партий – неважно). Во-первых, тотальное неверие не только в сотрудничество, но и в диалог – эта позиция характерна для НС,

назовём её национал-социалистической. Во-вторых, наоборот, полное радужных надежд приятие такого сотрудничества и стремление к нему — назовём эту позицию части национал-демократов прекраснородушной. И в-третьих, убеждение в том, что и сотрудничество, и диалог с системой возможны, но только под давлением со стороны общества на власть, вынужденные для неё — в противном случае они контрпродуктивны. Такую позицию другой части национал-демократов (я среди них) я бы назвал скептической или условно-конструктивной. Именно так проходит один из важнейших водоразделов в русском движении. Время покажет, кто был прав в этом споре.

* * *

Как русский националист относится к понятию империи, её культурной и цивилизаторской функции?

Вопрос об отношении к империи принципиально важен. Недаром он сразу же развёл респондентов “на благородное расстояние”, как именует подобную позицию “Дуэльный кодекс”. Тут действует принцип “или — или”. Нельзя на самом деле одновременно исповедовать принцип национального государства и принцип империи.

Недаром главный респондент — национал-демократ Константин Крылов — начал свой ответ с нескрываемого раздражения: “Империя” — типичный симулякр, да простится мне такое учёное (в плохом смысле) слово. <...>

Специалисты называют традиционную Россию “империей наоборот” — то есть страной, где “метрополия” живёт хуже и имеет меньше прав, чем “колонии”. СССР уж точно был “обратной империей” — с определённой точки зрения Союз удобно рассматривать как совокупность метрополий, имевших общую колонию, то есть “русскую Россию”, и нещадно её эксплуатировавших.

Всё это, впрочем, отдельная тема, представляющая сейчас чисто исторический интерес. Как я говорил по поводу других тем такого рода, важно не то, что могло быть, а то, что есть и будет. Поэтому вопрос должен быть поставлен так: имеет ли сейчас — и в близком будущем — имеет ли смысл России играть в “империю”?

Ответ прост. Империи — классические западные империи с колониями — похоже, отошли в прошлое. Сейчас приняты иные, куда более эффективные способы и приемы эксплуатации чужих стран и народов. И уж тем более русскому народу нет ни малейшего смысла стремиться восстанавливать “империю наоборот” — то есть снова становиться объектом эксплуатации закавказских, среднеазиатских и прочих стран и народов”.

Помягче, но в том же духе и столь же определённо высказался Севастьянов: “Как к славному прошлому, обусловленному определённой этнодемографической ситуацией, этнодемографическим балансом между русским и нерусскими народами Евразии. Этот период прошёл вместе с данным балансом и не вернётся иначе, как вместе с ним же. Можно сожалеть об нём, но нельзя и не нужно пытаться его вернуть насильно. Наша цель ныне — переход от РФ к Русскому национальному государству”.

Однозначный отказ от имперского будущего русского народа не разделили остальные участники обсуждения. Но вот замечательно характерная особенность: вековой горький опыт антирусского содержания, облёченного в имперскую оболочку (российскую или советскую, неважно), волей-неволей отразился у них в сознании, заставив обставлять важными условиями свои мечты об имперском будущем. Вот показательные и весьма единодушные признания.

Петров: “Замечательно. Только империя должна быть для русской нации, а не наоборот”;

Диунов: “Советская империя была по сути своей антиимперией, где окраины существовали за счёт сил русского центра. Если Россия будет империей, то она будет национальной империей, существование которой будет организовано исключительно во благо русской нации. Все остальные задачи империи вторичны”;

psehetuk: “Сквозь призму интересов нации. Если империя для нации — хорошо, если нация для империи — плохо”;

mr_lynx: “Хорошо, к его историческому понятию. А не к нынешнему убого-

му, когда национальные окраины живут за счёт русского центра и живут намного лучше (автор явно идеализирует досоветский период империи. — **А. С.**)”.

Всё хорошо, всё правильно в этих ответах, кроме одного. Да ведь вот загвоздка: именно из-за этого одного все их мечты есть пока что не более чем утопии. Они в упор не видят главного — возможность создания империи зависит в первую очередь от этнодемографического баланса, а он сегодня таков, что не позволяет всерьёз даже заикаться о каком-то имперском строительстве. Поэтому речи основных апологетов имперского устройства — национал-социалиста Борцова и консерватора Петрова — есть не более чем сотрясение воздуха.

Между тем Борцов (ссылаясь, в частности, на работу М. Диунова “Национал-империализм”) агитирует нас не без остроумия:

“Империя — это государство, построенное в соответствии с *der Wille zu Macht* Фридриха Ницше. Итак, что следует из заявленного?”

Во-первых, Империя в идеале представляет собой единство всего народа в осуществлении этой самой Воли к Власти. Скажем, в Римской империи каждый римлянин гордился тем, что он римлянин, готов был отстаивать дело Империи даже ценой собственной жизни, стремился к развитию Рима и так далее. В СССР времён расцвета люди искренне трудились на благо всего народа. Но в XX веке уже не было деления на граждан и подданных, что значительно ухудшило ситуацию: сравните, сколько простоял Рим до начала упадка, и сколько СССР. Империя — это “один за всех, и все за одного” на уровне государства (вообще-то такая характеристика исторически отличает именно национальные государства — и неизбежно размывается в полиэтнических империях, на которые Борцов её почему-то экстраполирует. — **А. С.**).

Во-вторых, “Власть” здесь понимается не как “правление, и всё” либо “господство”, а ближе к английскому *the Power*: не просто “власть”, но и “энергия”, “способность”, “мощь”. Империя стремится не просто иметь власть над тем/чем, что уже есть, она стремится развиваться. Как экспансивно, так и интенсивно — что особо важно для современности. Вспомните индустриализацию в СССР или подъём экономики Рейха перед войной.

В-третьих, Империя всегда имеет некую Высшую Идею: нельзя продвигать Волю неизвестно куда. Причём эта идея не может быть вида “сытно жрать, ничего не делать, и чтобы никто не мешал заниматься чем в голову взбредёт” — на “высшее” это не тянет. Кем-то было удачно сказано: “Империя — это любое государство, у которого есть какой-то смысл существования, помимо самоподдержания”. В этом определении, впрочем, упущен очень важный момент: например, “завоевание мирового господства” — это тоже для кого-то смысл, но при этом не является самоподдержанием. Моя точка зрения: Империи имманентно присуще именно что развитие. В самом широком смысле”.

Просто поэма какая-то в честь имперской идеи! Зажигательный танец! Да только не в силах мы его сегодня танцевать, очокуриться можем. Не с нашими хилыми демографическими ресурсами на имперский проект замахиваться: дай Бог удержать и то, что есть. Политический романтизм в такого рода делах опасен: ведь расплачиваться за несоразмерные претензии придётся кровью — и немалой. Более подробно на сей счёт я высказался в критическом анализе так называемой “Русской доктрины” (см. статью “Мечты о России”).

Не потому ли Петров поначалу предлагает нам весьма умеренное представление об имперском идеале: “Представляется наиболее целесообразным возрождение Российской империи в виде славянской метрополии, окружённой дружественными вассальными неславянскими государствами”. Увы, Петров не объясняет (поскольку такое объяснить невозможно), каким образом мы будем обеспечивать одновременно вассальный и дружественный статус этих государств... Да ещё при том (продолжу цитату), что “все неславяне сидят в своих государствах и в Россию не едут, розни всяческой не разжигают. Вассалитет и русское подданство неславян, собственно, и должны выражаться не в ассимиляции, а именно в русофильской аккультурации и водворении в их странах русского порядка”. Каким образом добиться этого, кроме как русским штыком, мне, например, неизвестно: история не даёт примеров. Да и сам Петров тут же пишет: “Всякий антирусский сепаратизм, всякие попытки “рыпаться” и повернуть на старый лад немедленно пресекаются железом и кровью”. Но тут уж про всякую дружбу придётся забыть!

На приведённом примере хорошо видно, в какую логическую ловушку ментально попадает идеолог-империалист, какими терниями внутренних противоречий усыпан путь к недостижимой, скажем прямо и без иллюзий, звезде империи. А ведь здесь лишь малая их толика! И, слава Богу, это всего лишь теории.

Объединить “в одном флаконе” тех, кто убеждён в необходимости для русских имперского пути, и тех, кто этот путь решительно отрицает, невозможно с помощью умных рассуждений. Аргументы не убеждают, когда говорят разнонаправленные базовые инстинкты. В данном случае – инстинкт агрессии и инстинкт продолжения рода (Лоренц). Рассудить нас способна только сама жизнь, которая, как водится, сама отсекает лишние пути. Мы можем только молиться, чтобы за прозрение некоторых своих недалёковидных лидеров русский народ заплатил не слишком кровавую цену.

* * *

Может ли Российское государство оставаться в тех же географических границах, если встанет на путь национализма, в какую сторону должно проходить изменение границ, если должно, и каким образом?

Вопрос об идеальных границах грядущего русского государства в равной мере актуален для сторонников империи и для адептов национального государства. Важность обсуждения предложенной темы ещё и в том, что оно позволяет покончить с недобросовестными обвинениями в национал-сепаратизме по нашему адресу. Я процитирую здесь великолепный ответ на эти обвинения, который дал Константин Крылов. Вначале он подводит идейную базу под опровержение навета, будто бы усиление русского национализма способно подтолкнуть центробежные силы этносепаратистов всех мастей или что русские сами могут “отделиться” от остальной России.

“Одна из любимейших попевок врагов русского движения – запугивание “распадом страны”. Нас кошмарят: если русские начнут подавать голос, требовать себе каких-то прав и уж тем более сопротивляться инородческому игу, то могучие народы многонациональной России возмутятся, немедля восстанут, отделятся, и Россия останется “в пределах Московского царства”, а то и Садового кольца. Поэтому русские должны сидеть тихо и терпеть всё, что бы с ними ни делали, *во имя единства страны*. (Совершенно верно замечено! Именно такую лапшу вешают нам на уши, в частности, Сергей Кургинян, чьи взгляды мне пришлось критиковать в статье “Всё, что вы хотели знать о русском национализме”. – **А. С.**) <...>

Если ценой существования государства под названием “Российская Федерация” в её нынешних границах является вечное бесправие русского народа, его унижение и эксплуатация властями и инородцами, а в перспективе вымирание – в таком случае лучше всё что угодно, чем такое государство. Но, к счастью для нас, предлагаемый выбор – терпеть и умирать или “сократиться до размеров Московского княжества” – ложен.

На самом деле единственной причиной всех недовольств и возмущений со стороны всяких “народов и национальностей” является униженное положение русских. Они понимают, что русские слабы и беззащитны, а центральная власть занята борьбой с русским народом и не может на этот народ опираться, так как он её терпит, но не поддерживает. Почему бы в таком случае не разговаривать с этим народом и этой властью с позиции силы?”

И далее Крылов замечательно (поэтично, но с научной точностью) резюмирует:

“Россия мыслима только как русская страна. Россия создана для русских, только русские могут обустроить и украсить эту землю. Это признание нисколько не умаляет достоинств других народов – и они тоже имеют свою долю в нашем общем наследии, и никто не смеет лишить их этой доли. Но *обустроить Россию как единое целое* должны именно мы – и только мы одни.

Если русские не правят Россией, если она не для русских, её просто нет: это всего лишь территория, холодная и неудобная, годная только на то, чтобы добывать в её мёрзлых недрах нефть, газ и кое-какие минералы. Только русские способны вдохнуть жизнь в эти края. Если мы не сможем этого сделать, этого не сможет никто.

Не только мы потеряем свою страну – её потеряет мир. Возможно, он потеряет своё будущее”.

Так выглядят теоретические основы нашего ответа на вопрос Данилина об оптимальных границах России. Что же касается конкретики, практической стороны дела, то идеальное русское государство должно быть местами НЕМного меньше, зато в иных регионах НАМного больше, чем современная страна с неприличным, режущим наш слух названием “Российская Федерация”. Раскрою подробности словами Севастьянова:

“Граница должна быть приведена в соответствие с естественной границей компактного расселения русского этноса (единый народ – единое государство), ради чего изменена двояко.

Во-первых, должны быть мирным дипломатическим путем присоединены земли исторического расселения русских, предмет и продукт их многовекового подвига, воинского и трудового. Они должны быть рано или поздно воссоединены с “материковой” Россией, с Родиной. Идёт ли речь о бывших землях Области Войска Донского, отрезанных от нас немецким штыком по несправедливому, “похабному” Брестскому миру; или о Таврической губернии, которую даже тогда, в 1918 году, когда беспомощная Россия лежала в полном развале, не посмели у неё отобрать; или о Харьковщине и Слобожанщине, куда от гнёта польских панов сбежали украинские крестьяне под защиту русского царя; или о южноуральских землях Гурьевского, Яицкого (Уральского), Семиреченского казачества, где и сейчас русские составляют от 70 до 90% населения; или о русском городе-крепости Нарве; или об основанном ещё Ярославом Мудрым городе Юрьеве (он же Дерпт, он же Тарту); или об отвоёванной именно русским и никаким иным штыком у турок Новороссии и Приднестровье... Подробный пятиступенчатый план воссоединения разделённой русской нации изложен в моей книге “Итоги XX века для России”.

Во-вторых, по моему убеждению, из состава России должны быть исключены земли, этнополитическая угроза, исходящая из которых, намного превышает геополитическую выгоду от их нахождения в этом составе: Чечня, Ингушетия, Тува. Но этот вопрос должен быть вынесен на референдум: пусть решает весь народ”.

По сути, не уточняя подробности, аналогичный ответ дал Диунов.

В ответах некоторых иных респондентов просматривается в той или иной степени “имперский синдром”. Так, Бурцеву подавай “Киев – мать городов русских”, *mr_lupx* мечтает: “Идеальным вариантом было бы присоединение Украины, Белоруссии и, возможно, Казахстана или его северной части”, Борцов с присущей ему безапелляционностью заявляет: “Если постулировать изменение, то понятно, что не в сторону уменьшения”. Естественно, наиболее яркий и развёрнутый ответ с позиций “имперства” дал консерватор Петров, решительно отбросивший не только всякий гуманизм (это бы ещё куда ни шло), но и элементарный здравый смысл:

“Национальная Россия сначала будет включать в себя Малороссию до Закарпатья, Белоруссию и русский север “Казахстана”. <...>

Вопрос об агрессивных этнократиях (Тува, Якутия) с позиции русского консервативного национализма решается быстро и однозначно. Этнократии низводятся до первобытного уровня и обезглавливаются посредством уничтожения криминальных “элит”. На сопротивляющихся бросаются недовольные соседи (а они у агрессивных этнократий всегда имеются). Русским остаётся только пройти с церемониальным маршем с закатанными рукавами и дочистить то, что останется после этого. В итоге получаем крайне мирное туземное население, сильно поумерившее к тому же не только свои амбиции, но и своё поголовье. <...>

Дальнейшее изменение границ должно начаться с восстановления правопреемства современной России и Российской империи. Потом надо поставить резонный вопрос о территориях, обещанных Российской империи “союзниками” после победы в Первой мировой войне, – то же Закарпатье, где живут русины, вся Восточная Анатолия до Средиземного моря и Константинополь с проливами. Но это уже, как говорится, дальний прицел. В котором тем не менее видна возможность среди межэтнического и криминального хаоса, куда лет через 20–30 впадут Штаты, вернуть себе Руссию Америку. Это и будет закономерным завершением строительства Российской империи, которая вернёт себе наследие Второго и Третьего Рима, занимая невиданное в исто-

рии пространство от Закарпатья до Калифорнии и от Северного полюса до Палестины”.

Комментарии тут излишни. Полоса водораздела очевидна слепому.

ПУСТОТА

Среди всех семнадцати вопросов я обнаружил лишь один, обсуждение которого не способно дать сегодня ничего, кроме пустопорожней говорильни:

Каким образом русские националисты собираются заниматься сбережением нации?

На этот технологический вопрос, если честно, ответить кратко невозможно, а отвечать подробно – неуместно. Чтобы не уподобляться человеку, который начал рыть колодезь в ответ на просьбу дать попить.

Перевести этот вопрос из разряда технологических в разряд политических возможно (покончить с антирусской властью и т. д.), но это, в общем-то, довольно дешёвый приём извлечения дивидендов из пустоты.

Понятно, что у всех, кто задумывался когда-либо о создании Русского национального государства, есть масса рецептов, как разобраться с тем, что нам не нравится в жизни русского народа, и дать зелёную улицу тому, о чём мы мечтаем. Но разговор об этом требует иного формата, и это почувствовали и выразили так или иначе все респонденты. У кого были на сей счёт некие более-менее серьёзные заготовки, сослались на них, у кого их не было – дали уклончивые ответы, отделались общими словами.

Ничего пригодного для серьёзного анализа я не обнаружил.

ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ

Вывод первый. Задумавшись над итогами обсуждения, я вспомнил один поучительный эпизод из русской истории XVIII века, которую изучал в аспирантуре. В популярном в свете журнальчике “Собеседник” были опубликованы анонимные вопросы к сочинителю “Былей и небылиц” вкупе с ответами на них. Этот сочинителем, о чём все тогда знали, являлась сама императрица Екатерина Великая, а автором вопросов, как впоследствии выяснилось, был известный комедиограф Денис Фонвизин. В острой пикировке мне запомнилось такое. Фонвизин спрашивает, якобы простодушно, на деле с подковыркой: “Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?” Мол, что же нас-то, дворянских фрондеров-писателей, не приглашают к ответственной работе? А Екатерина отвечает, тоже вроде бы спроста, но в действительности – с глубокой государственной мудростью: “Оттого, что сие не есть дело всякого”. Поставила нахала на место...

К чему я об этом вспомнил? Да к тому, что анализ ответов на вопросы Данилина привёл меня к такому выводу: хотя на чужой роток не накинешь платок, но всё же надо, наконец, понять, что политология вообще, и теоретический национализм в частности, есть область профессиональной деятельности специально подготовленных интеллектуалов, но “не есть дело всякого”. Решать – и даже только обсуждать – важнейшие, серьёзнейшие вопросы национальной политики, государственного устройства без подготовки, с кондачка, недопустимо: это профанация, которая дорого обойдётся при попытке воплотить кривые теории в жизнь.

Поймём, наконец, также, что не только политолог, но и политик – это профессия, как любая другая. Она требует не только специального образования и специальной подготовки, но и практического опыта. Быть русским националистом следует профессионально, это огромный труд и большая ответственность. У нас же наблюдается катастрофическая нехватка профессионалов, всё больше доморощенные “смыслократы” (“смыслохваты”), охочие до досужих разговоров.

Поэтому польза дискуссий, даже заочных, подобных рассмотренной выше, огромна. Они позволяют не только выявлять способные, перспективные кадры, но и повышать уровень обсуждения, пропагандировать верные взгляды, приобщать (в отличие от безобразных и бесчисленных интернет-форумов, где царят невежество и хамство) националистические массы к культуре полемики, вооружать их аргументами.

Нам нужен постоянно действующий форум (не “интернет!”), который лучше бы назвать русским ареопагом, советом старейшин (не стариков!), состоящий из наиболее подготовленных теоретиков и практиков русского национального движения, который систематически бы готовил и проводил на серьёзном уровне обсуждение наиболее важных для движения теоретических проблем. В том числе тех, что были затронуты на этот раз, но не решены удовлетворительно. Настоящий “Русский клуб”, доступ в который открывает не кремлёвский администратор, а только талант и авторитет участников. Платформы, концепции и решения, выработанные в таком клубе, должны пропагандироваться русскими СМИ и пользователями интернета, проходить апробацию в самом движении. А при необходимости – дебатироваться ещё и ещё раз, если этого требуют корректировка “снизу” или поиск консенсуса.

Всё это должно способствовать идейному сближению разных течений в русском движении, иначе в один прекрасный день те водоразделы, о которых говорились выше, могут превратиться в “берлинские стены”, разделяющие нашу нацию. Мы этого не хотим, а значит, должны принять превентивные меры защиты от такого будущего.

Вывод второй. Вынося на прилюдное рассмотрение результаты наших размышлений и споров, пора исходить из презумпции нашей политической и нравственной невинности. Сегодня время всяких оправданий для нас уже миновало. Нам не нужно, и мы не должны ни в чем оправдываться. Русский национализм – это замечательно! Русские националисты – наиболее благородные и востребованные временем рыцари идеи. Оборона сегодня уместна только в судах, но не в СМИ, не в общественном мнении, которое в целом и так уже на нашей стороне и которое сам ход событий в стране заставляет дрейфовать в нашу сторону всё быстрее и сознательнее. Поэтому наша тактика в СМИ – только наступление, только напор и атака. Завтрашний день принадлежит нам – и точка! Ибо мы – лучшие! Ни в коем случае не стоит фиксироваться на своих действительных или мнимых недостатках (недаром указано в “Катехизисе еврея в СССР”: заставьте-де русских постоянно оправдываться; тот, кто оправдывается, уже наполовину виноват в глазах общества); надо вовсе пропагандировать лишь наши достоинства, нашу безусловную моральную, политическую и историческую правоту.

Но для этого надо виртуозно владеть всем тем инструментарием, выработке которого призван служить подлинный “Русский клуб”.

Вывод третий, самый главный. Платформа для русского национального единства есть, она едина, абсолютна и бесспорна: это Русское национальное государство. Во имя достижения этой главной общей цели любая идейная или религиозная непримиримость решительно отвергается нами.

Вывод четвертый. Генеральное размежевание русских националистов на два основных русла является тактическим по характеру и происходит в русском движении только по одному водоразделу: между национал-демократами и национал-социалистами. Остальные вероисповедные или идеологические нюансы мало волнуют участников движения, не воздвигают между ними непреодолимых преград.

При этом НД и НС солидарны в целом по самому широкому спектру вопросов, в том числе весьма острых и даже эпатажирующих, и настроены на самое тесное и конструктивное сотрудничество. Их антагонизм носит не взаимоистребляющий, а скорее соревновательный, конкурсный характер: кто скорее и вернее добьётся позитивных результатов, тот и будет молодец.

Определённое расхождение наблюдается также между сторонниками имперского устройства России, с одной стороны, и национального государства как такового – с другой. Причём первые легче блокируются с НС, а вторые – с НД. Но поскольку все понимают, что до воплощения той или иной модели ещё далеко, это расхождение сегодня не взрывает единства наших рядов и предоставляет возможность решить наши противоречия в словесных баталиях, благо время для этого есть.

Итак, спасибо кремлёвскому сидельцу Данилину за повод к раздумьям и речам. Авось и ему тоже будет над чем поразмыслить.

А нам надо двигаться дальше: к созданию полноценной и мощной интеллектуальной машины – неформальному (а когда-нибудь и формальному) Министерству русской национальной пропаганды.